

18+ **Розовый бархат**

Е л е н а С т р и ж

Елена Стриж

Розовый бархат

«Издательские решения»

Стриж Е.

Розовый бархат / Е. Стриж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968672-5

Серия рассказов, в которых автор постарался показать, как с возрастом меняется взгляд на такие понятия как любовь, увлеченность, эротизм. Девичьи переживания, поцелуй, робкое прикосновение и щекотка в груди. Эротическое хулиганство, интрига толкают героев на новые приключения. Со временем многое меняется, появляется фальшь в чувствах, самообман и потребность в сексе ради секса.

ISBN 978-5-44-968672-5

© Стриж Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Сад	7
Барышня	10
Шепот на крыше	22
Ветерок	26
Джек	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Розовый бархат

Елена Стриж

© Елена Стриж, 2019

ISBN 978-5-4496-8672-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Серия рассказов, в которых автор постарался показать, как с возрастом меняется взгляд на такие понятия, как любовь, увлеченность, эротизм.

«Любовь есть единственная разумная деятельность человека» (Л. Н. Толстой).

Да. Это, наверное, так, но для этого надо постараться разобраться с самим понятием, что такое любовь?

Согласно Аристотелю, цель любви является дружба, а не вечное влечение. В эпоху Возрождения в основе любви лежало учение о красоте. В эпоху Барокко Бенедикт Спиноза дал следующее определение: «Любовь есть наслаждение, сопровождающееся идеей внешней причины», что с философской точки зрения есть не что иное, как любить Бога. В Новой философии следует отметить теорию половой любви у Шопенгауэра о возможности воспроизводить совершеннейших экземпляров рода. В XX веке взаимосвязь между любовью и сексуальностью легли в основу учений Зигмунда Фрейда. Любовь по Фрейду – иррациональное понятие, из которого исключено духовное начало. Любовь в теории сублимации, разработанной Фрейдом, низводится к первобытной сексуальности, являющейся одним из основных стимулов развития человека. Эрих Фромм в своих работах сравнивает: «Если человек любит только одного человека и безразличен ко всем другим, его любовь – это не любовь, а симбиотическая привязанность, или расширенный эгоизм». Плодотворная любовь подразумевает заботу, ответственность, уважение и знание, а также желание, чтобы другой человек рос и развивался. Она является деятельностью, а не страстью.

Выходит, что в каждую эпоху смысл слова «любовь» меняется.

Что об этом говорит наука? Медицина (нейробиология, на основе изучения работы мозга) дала свое определение любви и влюбленности как «дофаминэргическая целепологающая мотивация к формированию парных связей».

Но человек думает не химией тела, а чувствами. *Любовь – это свобода, служение, принятие и действие! Это когда счастье любимого – твое счастье, даже если он выберет не тебя... когда ты не чувствуешь себя жертвой обстоятельств... и готов отдавать, не ожидая отдачи... когда каждый из вас чувствует себя естественно и открыто...*

Любовь – это болезнь. Когда человек влюблен, фактически он становится идиотом и слепым.

Желаю приятного прочтения и надеюсь, что на некоторые вопросы я смогла ответить.

«Без любви жить легче, но без нее нет смысла» (Лев Толстой).

Сад

Цените то, что имеете.

Я смотрела на Светку, как она тряслась от страха. Как ее губы дрожали, а пальцы нервно перебирали сорванный и уже истрепанный в зеленую кашу листок. Я никогда ее такой не видела. Всегда храбрая, драчливая, она защищала меня перед пацанами и моим отцом. Но сейчас она вся была покрыта страхом. Ее озноб невольно стал передаваться мне. А впрочем, что мы такого сделали? Мы часто лазили в сад и рвали сливы. Ну и что из того? Я сама несколько раз так делала без нее. Но сегодня нас поймал сторож. Отчего-то все боялись его. Несмотря на то, что он уже старик, он бегал шустро. Вот сейчас и не успели от него ускользнуть.

Светка подвывала как побитая собака, прижимала голову к груди. Было видно, что она готова провалиться сквозь землю, лишь бы не быть здесь сейчас. Сторож дед Гаврил, как все его называли, стоял напротив нас и сжигал своим взглядом. Я часто встречала его в деревне: то в магазине, то на улице, и всегда он казался мне добрым, но сейчас он был другим. Если существуют драконы, то он один из них. Он просто испепелял нас на расстоянии.

– Допрыгались, сучки, – прорычал он, шелкнув прутом по высокой траве. Скошенная трава подпрыгнула в воздухе и тут же шлепнулась у его ног.

Я вздрогнула. Светкина истерика давно заразила меня. Я почувствовала, как стали мелко трястись ноги, потом в животе свело и через грудь поднялся ком к горлу. Мои губы задрожали, а на глазах появились слезы. Он как будто только этого и ждал, еще раз хлестнул прутом по траве и крикнул нам:

– Я вас предупреждал?

Светка тут же закивала головой, я подтвердила.

– Пока я на дежурстве, чтобы никто не лазил ко мне! Говорил?

Теперь мы синхронно кивали головой. Мне казалось, что если мы будем с ним во всем соглашаться, то не последует наказания и он нас отпустит. Я уже дала себе слово больше никогда не появляться в колхозном саду, и вообще не лазить по огородам. Сторож продолжал:

– Я всех предупреждал! И тебя, соплячка, – это он обращался к Светке, – тоже предупреждал, – помолчав несколько секунд, он повернулся ко мне и добавил, – а что до тебя, городская... В общем, тоже касается.

Его прут шлепал по его серым штанам, поднимая пылевые завихрения. Каждый шлепок отдавался у меня в животе. Светка выла.

– Снимайте, – приказал он и отошел на шаг назад.

Я замерла и искоса посмотрела на Светку, та продолжала трястись и шмыгать носом.

– Быстро! – крикнул он нам.

Светка не могла говорить, я набралась смелости и прошептала:

– Что? – с трудом я услышала свой голос.

– Снимайте трусы! – уточнил он, – и поворачивайтесь спиной.

Теперь и я завывала. Быстро просунула руки под подол платья и трясущимися руками, не переставая при этом выть, стянула свои трусики. Если надо, пусть сечет. Пусть! Лишь бы быстрее отсюда убежать. Думала я, косясь на подружку. Зажав трусы в руках, я повернулась к нему спиной. Светка, увидев, что я сделала, также стала стягивать с себя трусы. У нее это получалась с трудом. Было видно, что руки ее не слушаются. Пальцы оцепенели и не сгибались. Наконец ее ноги переступили через резинку. Пальцами она сжала клочок желтых, как цвет цыпленка, трусы.

Она так же, как и я, повернулась к деду Гаврилу спиной. Тяжело вздохнула. Набрала побольше воздуха в легкие и, поборов страх, подняла платье выше поясницы. Несмотря на то, что на улице было очень жарко, я ощутила, как прохладный воздух коснулся меня. Кожа мгновенно покрылась мурашками, я вздрогнула, тело стало мелко дрожать. Грудь заболела, внутри живота все сжалось. Закусив губы, я стала ждать неизбежного.

Он хлестнул несильно. Мгновенно попка сжалась. Потом еще и еще несколько раз он хлестнул меня по голому заду. Не было больно, было стыдно, что он смотрит на меня. Через мгновение, ощутила, как кожа, где ударил прут, загорелась. Плача, я захныкала от боли. Дед отдернул мои руки, что крепко держали платье, оно тут же опустилось. Показалось, что боль сразу прошла. Я стояла, так как не могла ничего поделать. Просто плакала. Боялась даже вытереть слезы. Мне было не столько больно, как стыдно.

Потом завопила Светка. Несколько раз прут просвистел буквально у самого уха. Светка уже не кричала, а только рычала. Он нас, наверное, всего-то раз пять хлестнул, но нам показалось, что эта экзекуция длилась целую вечность. Светка стояла с задранной одеждой, она не решалась опустить его. Дед Гаврил, пошаркивая ногами, куда-то удалился.

Повернувшись и посмотрев по сторонам, я убедилась, что его нет. Не знала, что делать. Убегать или еще нет, ведь он нас не отпускал. Посмотрев на свои красные ягодицы, я натянула трусы обратно. Переглянувшись и улыбнувшись друг другу, мы поняли, что отделались еще легко. Кожа продолжала жечь, но уже не так сильно. Жар, что обжигал место наказания,

теперь сменился холодом, а после зудом. Светка вытерла заплаканные глаза, поправила платье и посмотрела на меня. Ее глаза просили извинения за то, что случилось. Но я не обижалась на нее, все уже прошло. На душе стало легко. Почему-то мне опять захотелось нарвать сливы, и бежать и бежать, на сколько хватило бы сил.

Мы улыбнулись друг другу, вытерли носы. Потерли наши высеченные зады и уже хотели уйти, как услышали из-за деревьев крик деда Гавриила.

– А ну! Поть сюда! Да живей! – он кричал не так злобно, как еще минуту назад.

Мы переглянулись и нехотя поплелись на его голос. В сердце опять заныло, мурашки выступили на коже. Выйдя из-за деревьев, мы увидели маленький домик. Дед сидел на перевернутом ящике и махал нам рукой. В его жесте было что-то знакомое, даже доброе. Так махала мне мама, когда провожала в школу. Я сразу перестала бояться его, пошла легко, почти вприпрыжку. Светка еще охала, почесывала свою попку, но уже гордо шла за мной. Похоже, она начала гордиться наказанием. Мол, мы теперь породнились, испытали такое, что нас вовек не разлей вода. Впрочем, мы и так с ней были что ни на есть настоящие подружки.

Дед Гаврил сидел перед столиком. Он указал рукой на скамейку. Я осторожно присела, все же побаливало одно место. Светка плюхнулась, но тут же вскочила, потирая свой зад. Сразу стало весело.

– Не сердитесь, так положено, – спокойно сказал дед Гаврил и достал из домика банку с молоком и хлебом.

Мы поудобнее устроились за столиком и с радостью стали уплетать все, что он нам предложил. Уже через пять минут мы забыли про розги, про то, как, заикаясь, дрожали, про мой голый зад и ноющую кожу. Я забыла про все.

И все же, как это здорово вот так тайком пробраться в сад. Оглядываясь по сторонам, сорвать с десятков слив. Давясь, запикивать их в рот. Чавкая, глотать. А они сладкие, и по рукам бежит их сок. Как будто играешь в игру «старики-разбойники». Кто кого. Или ты украдешь, или попадешься. А вообще он добрый, и мед у него сладкий, и хлеб ароматный. Светка перестала хныкать.

Так что думаю, что мы сюда еще не раз залезем.

Барышня

Даже маленькая позитивная мысль способна изменить весь день.

Анастасия любила все времена года, но больше всего зиму за снег и мороз, а лето за тепло и солнце. Летом она отдыхала, мама не заставляла ее работать, как матери других соседских девочек. Ее мама Галина Васильевна вспоминала свое тяжелое детство, послевоенную разруху и постоянные мысли о еде. Ей хотелось, чтобы ее дочь получила детство сполна, как в сказке. Мама учила ее фантазировать, смотреть на мир так, как не видит никто. Она обращала внимание на то, что под ногами, на муравьев и жучков, на цветы, как они растут и какой у них цвет. Анастасия переняла у нее не только желание мечтать, но трудиться. Она очень любила ухаживать за своими курами, ласково называла их солнышками. Они ей очень нравились за их бестолковый характер и желтоватый цвет перьев. Также она любила заниматься своим огородом. Он не был похож на обычный огород с грядками и огромным количеством кустарников с ягодами, он был сказочным. Там стояли ульи, росли только цветы и деревья. Все ее подружки прибегали к ней в гости, в этот маленький райский уголок. Так и звали его, наш рай. Отец Анастасии специально для девочек соорудил беседку, считая это лучшим баловством. Беседка скромно прислонилась к старой вишне и вся была обвита плющом. Уже к началу лета в нее было трудно пройти, так сильно разрослись лианы дикого хмеля. Мать и отец считали сад ее домом и без разрешения дочери не заходили туда. Они понимали, как Анастасия бережно относится к нему, и поэтому оберегали его.

Девочка росла хрупкой, непохожей на своих сверстниц. Они наоборот были спелыми и здоровыми, просто кровь с молоком. Анастасия уходила в свою беседку. Брала чай или морс, читала часами, пока солнце не припекало. И тогда ложилась на приготовленные тюфяки и засыпала мирным дневным сном.

Несмотря на свой юный возраст, ее подружки уже начали встречаться с парнями, сходить по ним с ума, а говоря проще, таскаться за ними. Да, ей нравились мальчишки. Но она как принцесса ждала своего принца, мечтала об иной жизни.

Спать дома Анастасия не любила – душно, на улице ночью хоть и прохладно, но комары, а под утро еще и мухи не давали покоя. Поэтому Анастасия уходила на сеновал под крышей. Там у нее была летняя спальня, устроила для себя уютную постельку. Под самой крышей жили ласточки, а в расщелинах старых бревен устроились воробьи. Они с самого утра начинали кричать и пищать, создавая невероятный шум. Но она их любила и защищала от всяких поползновений котов. Сеновал продувался. С одной стороны у крыши был вход, именно по нему Анастасия и поднималась. Там даже была дверца. Противоположная сторона была совершенно открыта, ее перекрывала только огромная куча сена.

Отец девочки уже накопил и высушил свежего сена. Оно пахло, и возможно этот прелый запах и отпугивал мух и комаров. Анастасия приходила к себе на сеновал и ложилась отдыхать. Рано утром на крышу забирался петух Петька. Почему-то в деревне все петухи – Петьки. Он громко кричал, именно кричал, и очень громко. Хочешь – не хочешь, но просыпаться приходилось, иначе невозможно спать. Часы она не признавала, считала, что самые лучшие часы – природные: птицы и солнце. Но так приятно было лежать под одеялом. А иногда по утрам изо рта, даже шел пар, но солнышко быстро пригревало и наступал новый день.

Хуже было, когда погода портилась. Портилось все... И настроение, и дела. Не хотелось ничего делать, совсем ничего, хотелось просто лежать и думать. От этой скуки спасали только книги. Она перечитала их все, а после снова бралась и опять перечитывала.

О чем мечтала Анастасия? На этот вопрос она порой даже сама не могла дать ответ. Она просто мечтала о хорошем, теплом и нежном. Думала о нем... Когда и где встретит, как он возьмет ее на руки, посадит на коня и они поскачут по полям. От этих мыслей ей становилось чрезвычайно тепло. Продолжение этой истории она не знала, не могла себе представить, но как увлекательно все-таки мечтать.

Однажды после субботнего банного дня Анастасия осталась одна на сеновале. В дом к маме приехали гости, они болтали и пили вино, это деревенская привычка. Вино в меру – это хорошо, оно веселит, расслабляет, и тогда человек как на исповеди начинает говорить. Ей нравилось слушать, как они клянутся в дружбе и любви. Порой, было смешно на них смотреть, но они такие добрые и забавные.

Весь день была сильная жара и к концу дня начало парить. Баня немного спасла, она смыла с тела грязь и пот, стало легче, но духота говорила о своем. Анастасия поднялась к себе, не хотела сидеть среди взрослых. Они воспринимали ее как ребенка, относились как к маленькой девочке, хотя многое уже понимала. Поднялась на сеновал, захлопнула дверцу и легла. Крыша за день накалилась, и теперь чувствовалось, как она отдает накопленное тепло.

Взобралась на самый верх огромной кучи сена и начала смотреть на закат. Солнце уже почти все скрылось, только тоненькая алая полоска тянулась вдоль горизонта. Она как стрелка прочерчивала землю прямо посередине, деля ее на небеса и твердь. Анастасия сползла и легла на свою подушечку. Расстегнула платье, сняла все, что на ней было и, раскинув руки в разные стороны, замерла. Так она делала каждый день. Ей никто не мешал. Могла слышать голоса, знала, что ее никто не видит, это уже придавала игривое настроение. Так и сейчас, она раскинула руки, потянулась и замерла. Ее тело впитывало запахи и дневное тепло, оно впитывало энергию солнца.

Анастасия согнула ноги у носочков, подтянула их к себе, слегка развела в стороны колени и замерла. Представила себя лягушкой, что шлепнулась на спину и дрыгает лапками. Как-то эту позу увидела в кино, она ее поразила. Тогда, в эту же ночь, нашла укромное местечко и так легла. Лежала не долго, но ощутила что-то необычное... получила от нее настоящий девичье блаженство. Да просто лечь и ничего не делать. Мышцы сами расслабляются, в тебе все раскрывается, ты закрываешь глаза и потихоньку уходишь... Не знаю куда ты в это время уходишь, но в тот момент девочка ощутила страшную тягу к себе. Внутри все рвануло и в тот же момент онемело, она вскрикнула, обняла ноги до боли в суставах и от наслаждения замурлыкала... Тогда это было впервые. Ту позу Анастасия запомнила навечно.

В это лето она познала еще одно прекрасное состояние и назвала его «котенок». Кошечка выходит на завалинку, вытягивает свои лапки вперед, а хвостик как можно выше, спинка прогибается и в это время попка начинает подниматься, спина похрустывает от напряжения, все суставы растягиваются и снимают с тебя напряжение. После ты садишься и начинаешь нежно мурлыкать. Анастасия это делала, когда никто не видел, когда много читала и все тело начало стонать от однообразного положения.

Что только нельзя перенять у природы. Есть состояние луны, состояние подсолнуха и курицы, есть стебелька и капли. Надо только присмотреться, и вы увидите еще много интересного, очень много. Мы просто не замечаем этого, мы видим только себя и то, что под ногами. Но стоит поднять голову, посмотреть повыше, и вы уже готовы взлететь как воздушный змей. Вам страшно? Ей тоже порой страшновато, но так здорово смотреть не в землю... а вдаль.

Анастасия выросла, как и ее подруги. Она уже читала иные книги, некоторые тайком таскала у мамы и своих взрослых подруг. Они завораживали ее и манили. Что такое поцелуй, что такое касание, трепет в груди и сладкий вкус на языке. Многие вещи были ей непонятны и возможно даже чужды, но она пыталась их постичь, не зря же о них пишут. Как говорится, нельзя критиковать блюдо, пока ты сам его не попробовал, а то получится как в басне про лису и виноград. Смешно, правда?...

Анастасия была нежным цветком. В ее присутствии парни переставали материться и ругаться, а иногда и бросали курить. Подружки считали ее неженкой, но это и притягивало их к ней. Они жаловались ей на свою судьбу, стала для них источником энергии и успокоения. Парни наоборот, хоть и уважали, но недолюбливали, поскольку она смотрела на них свысока, тем самым давала понять, что вы мне не пара.

Она лежала и мечтательно думала.

– Дурак! – кто-то совсем близко, где-то внизу заругался. – Ты мне платье порвал! – Это был голос Верки, она старше ее на три года и очень грубая девица. С момента, как закончила школу, она превратилась в настоящую бабу, грубую и властную, под стать ее характеру, а ее фигура стала мощной и сильной. Ей в оправдание бубнил Витька. Он на год старше Верки, работает в мастерской. Совершенно глупый, и кажется, что даже не знает таблицу умножения, если вообще ее учил.

– Ты совсем что ли спятил? Мое платье порвал.

Верка за что-то, на него наезжала, а Витька не то, что бы оправдывался, просто бубнил как теленок.

– Не хватай, дурак! Не можешь потерпеть?

Ей стало любопытно, что там у них стряслось. Эту парочку она знала уже давно. Если не ругаются, то зажимаются, а если ни то ни другое, то пьют. Жизнь такая у них.

Анастасия прислушалась к их возне. Ничего не было слышно и не видно. Да ну их, подумала она и отвернулась в сторону. Однако их шуршание о стенку не давало покоя. Подползла как можно тише к краю крыши и заглянула за выступ бревен. В темноте глаза не могли ничего различить, только глубокие тени. Разочарованно сползла на свою лежанку, закрыла

глаза и погрузилась в свои думы. Так и не заметила, как уснула, как ее окутал утренний туман, как завернулась в одеяло, свернулась в клубок и предалась ночным грезам.

Во сне ощутила то, что было там на земле у сарая. Было необычайно приятно, но что именно приятно, не могла сказать, просто тепло, оно проникало так глубоко, что уже грело изнутри. Проснулась от того, что тело скрючилось буквально пополам. Рука была между ног, а грудь щемило. Внутри горел остаток костра, он распространял по всем конечностям легкую истому. Давно, испытав такое состояние, оно с каждым годом, месяцем, а после и неделей, становилось все чаще и сильнее. Анастасия очень любила эти ощущения, после него душа парила и таяла, дыхание пропадало, лишь только белый свет струился откуда-то с вышины.

Отбросила теплое одеяло. На коже моментально появилась гусиная сыпь и телу захотелось снова прыгнуть под теплые покрывала. Но она лежала и вдыхала утреннюю свежесть, его влажный аромат. Встала, оделась и пошла гулять по деревне. Коровы уже проснулись и мычали. Редкие петухи начали кричать, встречая рассвет. Прохожих почти не было, лишь только пастух собирал по деревне свое стадо. Калитки открывались, выбегали овцы и козы, за ними нехотя коровы и маленькие телятки, и они все шли за своим вожаком, пастухом.

Анастасия пошла по дороге через полуразрушившиеся сараи для хранения колхозной утвари, через промзону, где еще кое-где стояли разобранные трактора и комбайны. Она шла к бывшему административному зданию. Его построили купцы в позапрошлом веке. Со временем его конфисковали и передали народной власти, а после эта власть отказалась от огромного здания и теперь оно пришло в запустение, лишь голуби чувствовали себя там хозяевами.

В детстве, когда здесь еще работали люди, она часто ходила в эту контору с отцом за получкой. На обратном пути домой заходили в магазин, он покупал ей пакетик ирисок. Они были жутко твердыми, но такими сладкими, что казалось нет ничего на свете более прекрасного, чем эти конфетки.

Ей нравилось бродить по этому огромному зданию. Казалось, что там до сих пор бродят духи его хозяев. Раньше они с девчонками играли здесь в казаки-разбойники, было где разойтись. Сейчас никому не хотелось играть, хотелось шептаться и бегать по вечерам с парнями. Поэтому единственный, кто в последнее время его посещал, это она, Анастасия.

Выходя из дома, девочка прихватила с собой яблоко и свежий огурец, это вместо завтрака. Забежала в развалившуюся дверь, прошлась по гулким коридорам и пошла подниматься на второй этаж. Там так же творился хаос запустения и спокойствия. Поднялась на третий этаж. Он был больше похож на огромный чердак, куда складывали всякий хлам. Там были старые прятки, станки, ведра и ящики, даже стоял стол и полуразвалившиеся стулья. Анастасия нашла огромный комод и заглянула в него. «Ну да! Конечно там что-то для тебя лежит» – так подумала она и прошлась по всему этажу. Голуби сидели на балках над головой и сонно крутили головами. Где-то тихо чирикали птенцы, но зато уже во всю летали ласточки и пищали на своем птичьем языке, призывая всех просыпаться и приступить к завтраку.

Девочка подошла к окну. Стекло было все грязное, покрыто паутиной, на подоконнике лежали засохшие пчелы и бабочки. Паутина захватила почти все пространство форточки. Паучков не было видно, не хотелось им здесь жить, грустно и пусто.

Анастасия услышала, что кто-то поднимается и удивилась, кто бы это мог быть, да еще в такую рань. Отошла в сторону и присела. Над полом, в проеме, где поднималась лестница, показалась седая голова. Она кряхтела и пыжилась, спина слегка согнута, а под мышкой какой-то ящик. Старичок поднялся, облокотился на перила, они пока еще не рассыпались, и стал глубоко дышать.

– Здравствуйте, – ее с детства учили первой здороваться, мама учила уважать старших. Старичок вздрогнул и тяжело повернулся на голос.

– Здравствуй, барышня, – в его голосе чувствовалась отдышка. – Вот не ожидал увидеть здесь хоть кого-нибудь в такой ранний час.

Его голос был спокойным и добрым.

– Что же тебя заставило подняться в такую рань?

– Не знаю. Наверное, солнышко!

Он захрятел и потихоньку пошел к окну, достал складной стульчик, поставил его и сел. Старичок начал задавать простые вопросы, кто она и откуда, когда и зачем, что будет делать и еще куча вопросов, отвечала не стесняясь. Ей было приятно говорить с таким старцем. Она не знала кто он и откуда, знала всех деревенских, но он был не из них.

– А вы? – попыталась она начать задавать свои вопросы.

– Да-да, знаю, что ты хочешь спросить, – он закашлял, поставил перед собой треножник и достал ящичек, раскрыл его и положил на колени коробочку с красками – Меня зовут, барышня, Сильвестр Павлович.

– Почему вы зовете меня «барышня»? Это так не привычно.

– Согласен. Но так мягче, чем просто девочка. Да и вы уже вышли из этого возраста.

А девушка как-то уж слишком чопорно и современно, вы на них не похожи. Посмотрите на свои ножки.

Анастасия взглянула на них. Ножки как ножки, сандалии.

– А что с ними?

Он охнул.

– В том все и дело, что ничего. Что носят твои сверстницы? – он не смотрел в ее сторону, раскладывал свои принадлежности и стал подтачивать карандаш.

– Ну... – похоже, что никогда над этим и не думала.

– Затрудняешь ответить на такой простой вопрос?

– Нет. Они носят красавки, туфли и ... – пыталась еще что-то вспомнить.

– Да-да, именно красавки, а у тебя сандалии.

– И что же это значит?

– А то, что в сандалиях ты не побегаешь по лесу, по коровнику, и не потаскаешь водички.

Слишком тонкие ляпочки и такие беленькие. Это говорит о том, что не пачкаются в навозе, а потертость говорит о том, что они у тебя уже давно. Вот я и сделал вывод, что вы барышня, а не простая девушка. И более того, – он снова охнул и продолжил свои рассуждения – кто в такую рань встанет и придет сюда?

Она пожала плечами, но тут же высказала свое предложение.

– Кто угодно, кто хочет встретить рассвет, поздороваться с ним.

Он в очередной раз охнул, достал из папки листок ватмана и начал крепить его к планшету.

– Да-да, действительно. Только тот, кто хочет с ним поздороваться. Но вот проблема. Когда работаешь по дому, ты не замечаешь солнышко, ты видишь его только тогда, когда проснулся, а в это время у тебя в голове мысль «уже встало, а так хочется еще вздремнуть»...

Наконец он прикрепил белый лист и прищурил левый глаз. Казалось, он что-то смотрит на этом листе.

– Присядьте, барышня, вот на этот стульчик, – его палец показал на канцелярский стул, что стоял у стола.

Анастасия сдула с него пыль и присела.

Так они продолжили беседу. В душе радовалась собеседнику. Расспрашивала его о жизни, о городе. Она призналась, что редко там бывает и уже не знает, что нового носят в городе. Рассказала, что читает, кто ей нравится. Рассказала про свою кошку, которой в этом году исполнилось уже семь лет и что она уже успела в этом году родить четверо котят. Они говорили еще о многом, но в основном говорила сама Анастасия. Ей было приятно, что ее кто-то слушает.

– Ну вот и все. – Сильвестр Павлович потянулся, его старческая спина выпрямилась и захрустела.

– Можно взглянуть? – нерешительно спросила Анастасия.

– Безусловно можно, ведь я тебя рисовал.

– Меня? – от удивления она чуть было не упала.

– Ага.

Анастасия подбежала и встала за спиной художника. Яркое солнышко бликовало на листе. Она прищурилась. От этого карандашные линии стали тоньше, прозрачнее и воздушнее. Увидела свой образ, свою головку и вздернутый носик, слегка опущенное плечо и гордую спину. Это была действительно она. Никто в жизни ее не рисовал. Вот так просто и все готово, и как похоже.

Девочка крутила головой, пытаясь рассмотреть каждую черточку, каждый штришок. Ничего лишнего, только силуэт и слабая тень. От этого рисунок был просто пронизан воздухом.

– Красиво... – все, что смогла сказала Анастасия. – Очень красиво.

– Ну что вы. Не стоит так хвалить, а то я, как художник, еще и возгоржусь.

Но ему было действительно приятно. Он потирал свои сморщенные ладони, а пальцы крутили огрызок карандаша.

– А это... – только сейчас заметила, что на ее плече платье было немного приспущено. Оно как бы невзначай с него спускалось и тем самым придавало уже совершенно иное настроение.

– А это... – он сказал так, как будто она обратила на какую-то букашку. – Плечо.

– И только? – ей стало даже немного обидно.

– Да, просто плечо. Я продолжил линию шеи. А тут платье. Решил, что не гоже, вот и добавил легкости, – Сильвестр Павлович поднял свою шевелюру и взглянул на нее. – Не надо было?

Анастасия еще раз взглянула на рисунок.

– Нет, вы правы, – она наклонила голову, пытаясь лучше рассмотреть линии – просто не ожидала.

– О!... – он задумчиво посмотрел в потолок. – А что мы вообще ожидаем?

Она пожала плечами.

– Мы не можем жить по писаному, иначе стало бы очень грустно. Представь, что вы знаете, что и когда делать, вам хочется, но не можете совершить рискованный поступок, потому что нельзя, там об этом не написано. Разве так интересно жить? И была ли тогда эта жизнь?...

Ее глазки удивленно посмотрели на него.

– Нет конечно. Мы в праве делать сами то, что желаем, – сделала свое умозаключение Анастасия.

– Не спеши с такими выводами, барышня, – он оперся о подоконник. – Если вы пришли сюда, это не означает только ваше на то желание.

– Почему? Это решила только я.

– Нет, не вы, – казалось, что ему был не интересен этот разговор, – а множество обстоятельств, к которым вы не имеете никакого отношения.

– Как это так?

– Сперва это ваша матушка.

– Но она спала и не знает.

– Да, не знает. Но она вам не поручила никакой работы, и вам бы тогда пришлось о ней думать. Сегодня прекрасная погода и это позволило вам пройтись, а вчера вы отдохнули хорошо, но почему? Да и стоит ли вести такую линию расчетов? Мы никогда не найдем истинны, слишком много факторов влияния. Мы это делаем именно потому, что нам этого хочется.

Анастасия поняла, что это действительно так.

– А этот рисунок я написал так, как мне это показалось в данный момент наиболее подходящим, под мое настроение и под ваше состояние, – он развел пальцы в стороны, как бы делая широкий жест. – Видели бы вы себя со стороны.

– А что такого во мне?...

– О... – многозначительно потянул он. – Вы парили, вы просто излучали состояние этого утра. Вот я и нарисовал вас так.

– Спасибо.

– Спасибо вам, я только художник.

Они расстались. Анастасия целое утро думала об этой встрече, а придя домой, встала перед зеркалом и постаралась приспустить платье с плеча, так, как это было на рисунке. Но угол зрения не позволял это сделать. Он нарисовал немного снизу, а она смотрела только сверху.

На следующий день, когда чуть засветало, она снова побежала в развалины конторы. Старичок пришел чуть позже, но пришел. И они снова говорили. Он даже не удивился тому, что она пришла. Он просто сел и начал рисовать. В этот раз Анастасия уже знала, что он рисует ее, ей не терпелось увидеть результат. Она пыталась не крутиться, но это не нравилось Сильвестру Павловичу. Он шутил, а она смеялась и вертелась на стульчике, а он продолжал рисовать.

По окончании работы барышня подбежала, можно даже сказать, подлетела, и впиалась глазами в рисунок. Она была нарисована в пол-оборота. Стройная спинка, гордо поднятый подбородок, волосы завязаны в косу, сверху красовался веночек из полевых цветов. Немного смутилась. Плечо было пологим, как сугроб после вьюги, гладким и длинным. Платье спало с него и лежало на локте, спина была открытой.

Анастасия смотрела, а художник в это время говорил, о чем думает девочка на рисунке. Он рассказал даже маленькую историю, как бы продолжение ко вчерашнему сюжету и сегодняшнему наброску.

Слушала, а сама смотрела на маленький бугорок, что выступал из-за руки. Нежная грудь выглядывала и смотрела на вас, она пряталась за руку, как малое дитя прячется за мамку, когда видит чужого.

Она не сказала ни слова Сильвестру Павловичу, смотрела и слушала его. Лишь в конце он добавил, что не надо себя приукрашивать, мы и без того все открыты. Так и здесь, нет потребности снимать с человека его оболочку, достаточно просто посмотреть глубже, оторваться от реальности, представить его характер, настроение и мысли. И это даст недостающие детали, именно это он как художник и попытался сделать.

Анастасия весь день парила в облаках. Убежала в лес и очень долго бродила по нему. Ушла к дальнему, «карасьему» озеру, так его звали мальчишки. Идя к нему, хотела только одного – искупаться. И не просто искупаться, а без ничего. Как говорил старичок, без оболочки. Ушла в его дальнюю часть. В воздухе гудел зной и пронизывающий стрекот кузнечиков. Погрузилась в воду и поплыла. Вода была торфяной. Тело проваливалось в его фиолетово-коричневую мглу и с берега невозможно было рассмотреть ее наготу. Но на берегу никого и не было.

Она вышла, легла на траву среди камышей и подставила свою грудь под солнце. По телу забегали жучки, они щекотали. Прилетели стрекозы и засуетились вокруг. Анастасия лежала и думала о том рассказе и о его продолжении.

В этот день она легла спать пораньше, но не могла уснуть из-за мыслей. Ей хотелось хоть сейчас отправиться туда к художнику, чтобы услышать его продолжение и увидеть новые рисунки. Ночь тянулась очень долго. Сон был непродолжительным и неглубоким.

Шла к развалинам спеша душой, но ноги ели-ели волочились. Что он нынче рисует? Пришла, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом, но Сильвестра Павловича не было. Обошла этаж, спустилась ниже, обошла и его и спустилась на первый этаж, но и там художника не было. Снова поднялась наверх. Он сидел как ни в чем не бывало и рисовал.

Анастасия спросила, где он был, уже как пол часа его ищет и не заметила, как тот прошел. Он ответил, что видел ее и видел, что она кого-то искала, но не стал ее окликать. Анастасия поинтересовалась, будет ли сегодня продолжение. Художник ответил, что уже давно рисует. Тогда она спросила, почему без нее, разве такое возможно? И он ответил, что возможно, ведь герой нужен только для мыслей и воображения, а остальное дойдет. Однако художник поблагодарил ее, что она пришла. У него не получается кое-что, и поэтому он попросил ее присесть не на стул как вчера, а сесть прямо на пол.

Как могла поудобнее устроилась на облупившихся досках. Иногда сидела, иногда садилась на колени, а иногда просто ложилась и смотрела в потолок. Сильвестр Павлович молча рисовал. Ей казалось, что он про нее забыл, хотела встать, но он попросил еще немного полежать, скоро закончит, и тогда она сможет размять свои ножки.

Анастасии очень хотелось увидеть, что там. Старичок менял листы, черкал и откладывал в сторону. «Что-то там у него не получается», думала она и тяжело вздыхала. Он закричал и наконец сказал, что все. Она взлетела и очень осторожно подошла.

Рисунков было несколько, они как серия дополняли друг друга. Вот она сидит, вот облокотилась на стол, вот легла на спину, а вот на живот, здесь она смеется, а здесь задумчиво смотрит в окошко.

Смотрела на свое отражение. Вглядывалась в свои очертания. Узнавала себя буквально во всем, в каждой черточке, в каждом штрихе и тени. На одних рисунках она была в платье, на других оно лежало рядом, а на некоторых оно просто висело на поясе.

Анастасия попросила их посмотреть. Он протянул стопку. Взяла в руки и пошла к окошку, присела на пол, разложила и начала по одному разглядывать. Смотрела долго и очень внимательно.

– Неужели я такая? – Спросила у художника.

– Нет, – ответил он, – вы намного лучше, я лишь нарисовал жалкую пародию.

В это время он продолжал рисовать. Не мог сидеть сложа руки, его пальцы сжимали карандаш, а рука сама водила его. Он снова рисовал.

– Я не думала, что так... – сказала она.

– Конечно же нет, ведь я не знаю, как должно быть, я только могу представить – он смотрел то на нее, то на лист бумаги.

Она украдкой слегка оттянула ворот платья и заглянула внутрь. Он улыбнулся. Его карандаш, не останавливаясь, продолжал бегать по листку.

– Не стоит сравнивать мое видение с реальностью, я не фотографирую, а рисую. И даже если бы все рисовал с натуры, то есть с вас, то наверняка многое не соответствовало бы действительности, потому что я так вижу, а вы по-иному.

Сидела еще долго и рассматривала эти рисунки. Переглядывала, клала на пол, вставала, ходила, смотрела в окно и снова брала рисунки.

– Что тебя смущает? – спросил он.

– Стараюсь смотреть, что за ними.

– И что же ты видишь? – был логичный вопрос.

– Не знаю, вы нарисовали меня очень красиво, я так думаю. Мне это нравится, но это ведь только наброски. Что вы хотите дальше нарисовать, что?

– Ох, милая барышня, если бы я знал. Это что-то, что напоминает вдох. Каждый новый вдох не похож на предыдущий. Иногда мы вдыхаем по рефлексу, потому что иначе умрем, а иногда вдыхаем свежий ветер, и мы его чувствуем, нам сразу кажется, что мы на море или

в морозном лесу. А может вы вдохнули сырость и очутились в осенний день. Мы вдыхаем, потому что нам хочется это ощутить. Каждый вдох забываем. Жаль тех, кто этого не замечает. Для них это только физиологическая потребность, наполнить свои легкие кислородом. Они слепы. Что я могу нарисовать исходя из этих рисунков? ... Может это будет страсть твоей души, твои переживания и воспоминания, а может грусть о прошлом и страх о будущем, а может томление женского тела. Откуда мне знать... Я творю, не могу ответить на такой вопрос. Пытаюсь понять вас, барышня, а рисунки помогают этого добиться.

Она молчала, задумалась над собой. Уходя, спросила, будет ли Сильвестр Павлович завтра утром. Он ответил, что обязательно придет и просит ее тоже подойти. Анастасия уходит и целый день проводит в размышлениях. Разговаривает с подружками, но она их не слышит, ее мысли остаются при ней, они не дают ей покоя. У себя на сеновале вспоминает о рисунках, как на них изображена, и что в это время могла думать и чувствовать. Постепенно погружается в мир грез и фантазий. Ее тело само играет, само подставляет себя под кисть художника, и уже она рисует. Анастасия сама становится художником. Начинает понимать себя, не только наяву, но и в том рисованном мире. Начинает понимать, что от нее хочет Сильвестр Павлович. Ему нужна не форма, а чувства, то, что творится внутри ее тела, ее сознание, ее переживания. И как только она это поняла, сразу воспарила к небесам.

Анастасия испытала настоящее наслаждение от сознания тех чувств, что в ней скопились, ее внутренняя любовь.

На следующий день пришла и приготовилась как актриса. Но актриса играет чужую роль, а она – свою. Анастасия погрузилась в свои мысли, в свой мир, в свои долгие и сладкие грезы. Думала о нем, о своем единственном принце, о котором так долго мечтала и которому уделила так много времени.

Анастасия помнила его губы, их вкус и поцелуй, знает его руки и все тело. Знает, как оно пахнет, чувствовала его волосы. Но не это было главное во всем, а то, что она его любила, как она его ждет. В ее душе чувствовалась тоска, непроснувшаяся любовь. Она как цветок после спячки тянется вверх, готова открыться солнечному лучику, она просто этого жаждет.

В ее головке вертелись мысли, они сменяли друг друга. Порой их было так много, что голова начинала кружиться. Тогда Анастасия прижимала руки к груди, подгибала колени и широко раскрывала глаза. Головокружение постепенно проходило, наступала реальность, но внутри все вертелось и кружилось, оно было сладостным и томным. Снова закрывала глаза и пускалась в водоворот своих чувств.

Память не давала покоя, она не отпускала ее. Хотелось продолжения, развития событий, хотелось закончить начатое, но сознание Анастасии говорило о другом – не сейчас, не так рано, подожди. Приоткрыла глаза. Посмотрела на потолок. На то, как там воркуют голуби, на то, как луч света пробивается сквозь пыль чердака. Она посмотрела на окна, на темные углы помещения, на блики, что играли на стене, на пожелтевшую фотографию, что висела в рамке. Смотрела и радовалась этому прекрасному моменту, этому чистому воздуху, тому, что где-то жужжит шмель.

Сильвестр Павлович сидел на своем стульчике и внимательно смотрел на нее. Его рука перестала водить карандаш, он смотрел и думал. В его глазах читалась летопись. В них были длинные строки истории, они были прозрачны как роса. Анастасия улыбнулась ему и застенчиво опустила глаза. Ее платье было растрепано и помято.

Они выпили чай из термоса, что он прихватил с собой, погрызли печенюшки, а после расстались.

Все следующее утро девочка проспала. Она спала так сладко, что ей не хотелось просыпаться, расставаться с грезами. Всю ночь путешествовала. Побывала в Испании и Париже, успела побывать в Англии и Новом свете, а сейчас надо было вставать. Петухи во всю кричали,

росса высохла, а вдалеке слышался рокот трактора. Она соскочила, побежала к умывальнику, плеснула в лицо горсть холодной воды, и, взвизгнув, помчалась к художнику.

Его не было нигде. Несколько раз обежала все здание, заглянула в каждую дверь, но его не было. Сильвестр Павловича не было нигде. Подошла к его столу и разочарованно присела. Только сейчас заметила небольшой клочок бумажки с аккуратной надписью: «Для Вас, барышня». Анастасия, не задумываясь, открыла полуразвалившийся стол и увидела там белую папку. Осторожно, как драгоценность, достала ее, замерла, ожидая, пока сердце успокоится, и осторожно приоткрыла ее.

Здесь были знакомые ей рисунки. Но теперь она смотрела по-иному, в них был не просто ее образ, в них она почувствовала глубину. Перевернула лист. Он зашуршал и лег на пыльный стол. Под ним оказался новый рисунок. На нем еле заметные штрихи. На этом рисунке она сидела на коленках, выпрямив спину как тополе, руки подняты кверху и запрокинуты за голову, подбородочек горделиво приподнят, а взгляд спокойный и гордый. На этом рисунке она увидела себя без одежды. Это выглядело ненавязчиво, как-то естественно, как будто так было всегда.

Анастасия присмотрелась к эскизу, вспомнила, когда так сидела. Но тогда на ней было платье, а сейчас она чистая, как лист бумаги. Просто удивительно, как меняет человека его оболочка. Положила лист в сторону и взглянула на следующий. На нем она по-детски лежала на подушке, ее ножки были согнуты, гольфы натянуты чуть выше колен, а на теле простая белая рубаша. Она спала, волосы растрепаны, колено поджато почти к плечу, ей что-то снится. Анастасия знала, что она уже неоднократно просыпалась так, ее пальчики лежали между ног, слегка касаясь едва пробившихся волосиков. Она вздрогнула, как будто только, что коснулась их.

Положила рисунки на стол и отвернулась. Было сильное желание посмотреть на них снова, но не могла. Спросила себя: «Откуда он все это знает, как он смог ее понять, почувствовать?» Осторожно привстала и подошла к окну. Весь двор зарос бурьяном, по нему бегали откуда-то взявшиеся овцы. Все казалось таким мирным и спокойным, как будто время остановилось.

Отошла от окна, вернулась к столу, но не коснулась листков, а только мельком взглянула и тут же отвела взгляд, но этого оказалось достаточно. В душе все екнуло. Она сразу перенеслась на подсолнечное поле. Примерно недели полторы назад, когда уже всю зацвели подсолнухи, Анастасия пошла к ним. С детства любила это поле, еще маленькой девочкой бегала на него, выбирала самый большой подсолнух, срывала, шла на опушку, что ближе к лесу, ложилась и щелкала семечки. В этот же раз она забрела в него так далеко, что не было видно конца. Подсолнухи выросли такими огромными, что скрывали ее с головой. От них исходил медовый запах, все руки были желтыми от пыльцы, а над головой летали одинокие пчелы. Им не было дела до нее, у них был свой план по сбору нектара. Иногда прилетали стрекозки, но тут же улетали. Подсолнухи, как огромные деревья, тяжело качались из стороны в сторону. Их желтая голова клонилась к земле. Лишь юнцы поднимали мордашки к солнышку, подставляя свои черно-пепельные щечки под его лучики.

Анастасия устала бродить по этому бескрайнему полю, не было слышно шума машин. Остановилась, сорвала несколько подсолнухов, положила на землю, а сама села рядом. Стволы были такими крепкими. Она облокотилась на один из них и прикрыла глаза. Листва качалась, то прикрывала лицо девочки от палящего солнца, то опять открывала. За зноем наступала прохлада, затем ветерок и снова зной.

Легла на землю и прислушалась к звукам, что ее окружали. Они были совсем другими, не такими, как в лесу, более звонкими, и не такими, как на лугу, более густыми. Здесь мало было кузнечиков, в основном жужжали шмели и пчелы. Посмотрела в небо. На голубом фоне пролетали темные тени жирных насекомых. Они пыхтели, кружились, с разгона врезались

в подсолнечную площадку, цеплялись за него своими мохнатыми лапками и начинали искать свой нектар. Анастасия присмотрелась к их поведению. Пушистое брюшко было все покрыто густым слоем пыльцы, они пытались его стряхнуть, но тут же прилипла новая. Тогда они от бессилия взлетали и перелетали на новый подсолнух, как будто там пыльцы меньше.

Над полем висела звенящая тишина. Жара придавала дополнительные оттенки этому звуку, он становился более звонким и высоким, но эта была тишина. Она встала во весь рост. Расстегнула ворот платья. Ветерок, что гулял по цветам, скользнул вдоль личика и прошмыгнул за ворот, коснулся своей прохладой ее тела. Развязала шнуровку у себя на плече, потянула ее вверх и отпустила, ткань колыхнулась и соскользнула вниз.

Стало до такой степени свободно, что от радости закричала и побежала по полю. Тяжелые шапки подсолнухов сгибались под ее натиском. Они сопротивлялись, но уважительно склоняли головы. Желтые бархатистые лепестки касались ее рук, кожи на животе, ее плеч. Она остановилась, посмотрела на себя и охнула. Стояла раздетой в этом цветущем саду и свидетелем этому были лишь его обитатели. Еще раз вздохнула всей грудью, жара смешалась с прохладой, внутри защекотало. Анастасия повернулась и побежала к тому месту, где оставила платье. Казалось, что она в раю. В том самом раю, откуда приходят все души. Они сейчас здесь, но она их не видит, только они смотрят на нее и улыбаются ей в лицо.

Расправила платье, легла рядом и задумалась. Она не придавала большого значения своему телу. Считала, что это подарок природы: кому-то нежное и стройное, кому-то толстое и тяжелое, а кому-то безобразное. Считала, что надо быть благодарным за любое тело. Оно не наше, мы только временно в нем, и за любым телом надо только ухаживать как за цветком, иначе оно завянет. Жаль тех, кто возгордился своим телом и начинает чуть ли не молиться на него. Что остается внутри, когда тело приходит в негодность, когда оно начинает увидать? Ничего. Только пустота и жалость к прошлому.

Ей нравилось смотреть на себя. Это чувство томления появилось не так давно, всего несколько лет назад. Наблюдала как меняется ее фигура, как появляются чисто женские признаки: бедра, животик, грудь, походка и голос.

Она лежала в подсолнечном поле и млела от удовольствия. Маленькие муравьи побежали по ножке и защекотали ее. Подтянула ее ближе к себе и посмотрела на этих наглецов. Те не понимали, что произошло. Все не так, нет песка, нет палочек и листочков, не тот запах. Они засуетились и начали искать выход. Спустилась с неба бабочка и уселась прямо на коленку. Та сразу же начала приводить в порядок свои крылышки. Она их терла и поглаживала, ее туалет занял много времени. Бабочка пыталась избавиться от всех пылинок, что пристали к ней во время длинного полета. Затем она успокоилась, сложила крылышки и замерла. Луч солнца упал на бабочку, коленка нагрелась, бабочка приоткрыла свои крылышки и заморгала ими.

Тело Анастасии приобрело округлости. Грудь становилась женственной и все чувствительней. Кожа ощущала прикосновения и передавала через нервные клеточки весь спектр чувств. Он оказался такой огромный, как спектр солнечного света: от ярко-белого до мрачно-черного, а между ними все цвета и радости.

Сперва ее маленькие соски уплотнились, начали побаливать и раздражать, хотелось надеть прилегающую футболку. Затем под ними появился слабый бугорок. Девочка даже не обратила на него внимание, лишь спустя полгода обнаружила, что во время бега что-то под майкой подпрыгивает. Начала стесняться ходить с мамой в баню, боялась, что она это заметит, но мама заметила это раньше и купила ей первый лифчик.

Посмотрела на живот, на жучка, который поднимался все выше и выше.

– Куда ты, глупенький, ползешь? Там нет твоего домика. Он там, внизу, – осторожно подтолкнула его, он покатился, лапки замелькали в воздухе, он как по горке скатился прямо на землю, перевернулся и сразу побежал. – Вот так-то лучше.

Анастасия коснулась своей кожи, она была прохладной. Взглянула на свою ножку, что сгибалась в коленке, вторую подтянула под себя и пяточкой уперлась в попку. Дотронулась лодыжки, подтянула поближе ногу, ощутила упругость в мышцах, как натянулась кожа. Она уже была не маленькой девочкой. Ей хотелось, чтобы как можно скорее выросли волоски на лобке. Она стеснялась раздеваться перед подружками, а те наоборот хвастались своими жиденькими зарослями.

Ее тело было гладкое, как чистый лист бумаги, который сейчас держала в руках. Стояла перед столом и смотрела на этот рисунок. Она была на этом поле среди подсолнухов.

Смотрела и в то же время не узнавала себя. Была какой-то другой. Могла ли она смотреть на себя со стороны? Но девочка знала то, что в ней рождалось. Она присела. Ей снова захотелось очутиться там. Почему? Не важно, но именно там. На нее с рисунка смотрели глаза, как будто смотрела на художника, и теперь ее взгляд отразился через него на этом листе.

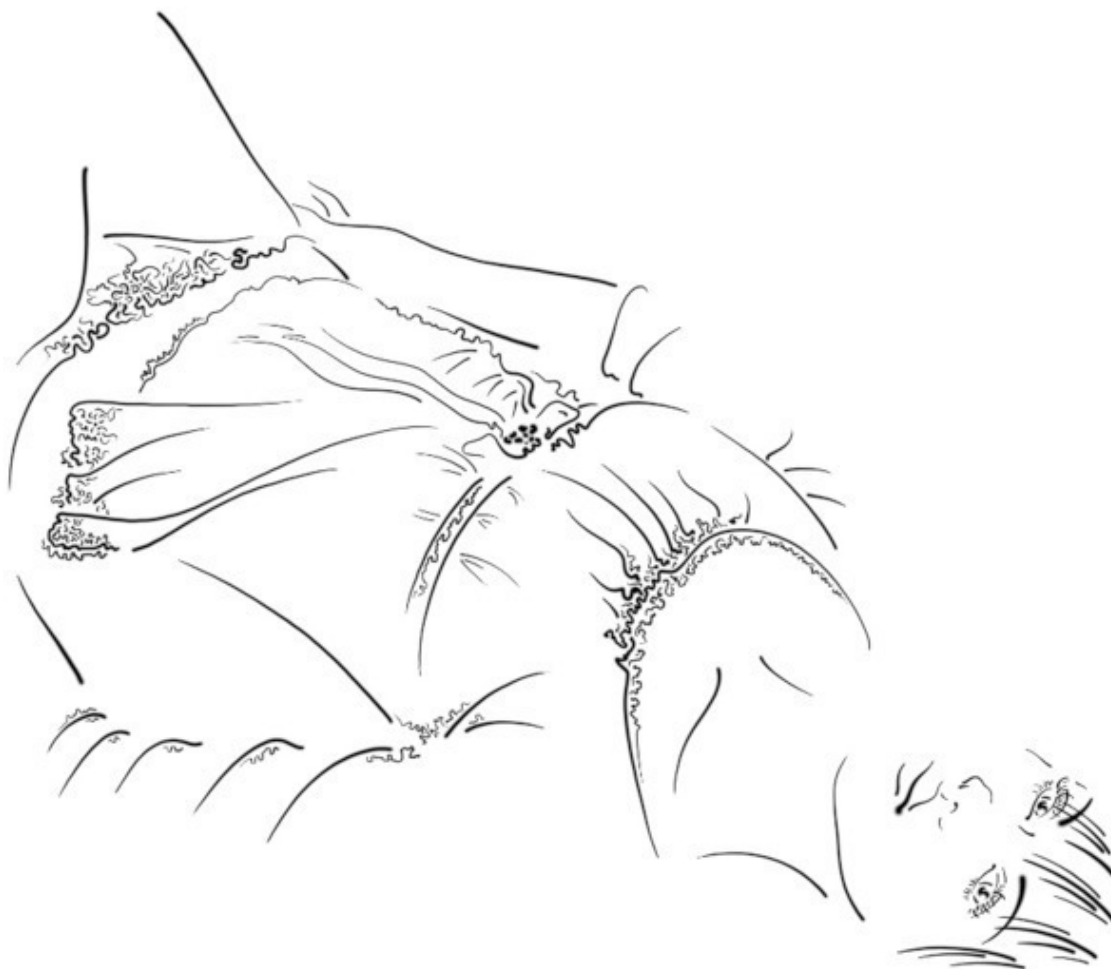
Анастасия аккуратно собрала все листы. В папке еще осталось несколько рисунков, но их не посмотрела, не могла сейчас этого сделать, пока не окажется на том поле, среди тех самых подсолнухов. И тогда сбросит с себя оболочку, оставшись совершенно одна. Девочка окунется в мир мечты. Ей очень хотелось пережить эти мгновения. Она поняла, что не все было закончено в тот раз, не все... осталось, что-то очень важное. Что?

У нас у всех свои причины быть там. Для каждого из нас есть свой мир, доступный только ему, и никто не может в него попасть. Это наш мир, наша душевная радость и боль, наши мечты и память. У кого-то этот мир как чулан, покрыт паутиной и пахнет старыми вещами. Но есть миры цветущие, они наполнены жизненной силой, оптимизмом, улыбкой и теплом. В этих мирах мы начинаем впервые ходить, делать робкие шаги, совершать первые ошибки. Наш мир – наш наставник, он учит нас. Надо быть только прилежным учеником. Он дает возможность многократно испытать то, что дано только для тебя – душевную страсть, любовь и радость.

Анастасия лежала среди огромных желтых подсолнухов. Подставила себя под солнце, и оно так нагло смотрело на ее обнаженное тело. Ей это нравилось. Легкое движение тела... прикосновение пальчиков и... барышня вздрогнула, прогнулась и...

Шепот на крыше

На самом деле жизнь проста, но мы настойчиво ее усложняем.

Я с трудом улавливала ее шепот. На улице шумели машины, порой стекла в окнах вздрагивали от колес автобусов, что проносились у самого дома. Под порывом сквозняка форточка постоянно то открывалась, то закрывалась. Лучи света отражались от нее, бросая блики мне в глаза. Посильнее зажмурилась и отвернула голову в сторону. Не знаю, что она шептала, но ее слова были как еле уловимый ветерок у самой мочки уха. Жар дыхания и почти незаметное прикосновение ее губ. А потом она коснулась волосков на щечке и отпрянула. Замерла... Стало чуть страшно, что осталась одна, что она бросила меня прямо здесь, вот так. Я не стала открывать глаза, а только отвернулась в сторону окна, вздохнула и прислушалась к ее шагам.

Ольгу я знаю не так давно, наверное, с полгода. Ее дом построили недавно, она переехала туда и пошла в мой класс. Рыжая, с длинными волосами, худая как палка и с тонкими пальцами. Вот бы мне как у нее ровные ногти. В классе ее приняли с радостью, никто не рычал и не смотрел на нее из-за плеча. Она сразу стала душой нашей компании, вот тогда мы и подружились. Здорово, мне всегда с ней весело. Правда у нее немного дурной характер, она все эксперимен-

тирует. Везде лезет. Тут чуть было с крыши не свалилась, просила никому не говорить. Как она, не знаю... Но я за нее испугалась. В общем, вот так мы и живем.

Учусь в восьмом классе, сижу у окна, занимаюсь гимнастикой и изучаю английский язык. Парня у меня нет, только друзья, да и некогда мне с ними болтать. А вот у Ольги уже есть, и она с ним тайком начала целоваться. Это Игорь. Он так же, как и она, переехал в новый дом. Только он старше ее. Ну понятное дело, старшеклассник – это круто, есть чем гордиться. Только вот чем? И вообще, я даже стала ее ревновать, хотя глупо. А однажды застучала их в подъезде. Ольга сделала вид, что ничего не знает, меня не замечает. Просто протянула мне ключи от своей квартиры, а сама продолжила чмокаться. Могла бы и поздороваться.

Прошло недели две или три, Оля вечером пришла ко мне грустная. Я редко ее такой видела. Она даже не болтала, а просто сидела и смотрела на меня. Спросила ее, что случилось, но та только улыбнулась, но так ничего и не ответила. А потом соскочила, схватила меня за руку, прижалась к моему уху и прошептала.

– Пойдем на крышу?

От того, как она это сказала, я вся вздрогнула. Нет, не испугалась, что она опять полезет за перила, а от того, как она это сказала. Утробный низкий голос, по мне прошла волна дрожи.

– Ты чё? – Удивленно спросила меня.

– Не знаю, – а я и вправду не поняла, почему задрожала.

Поднялись на крышу. Откуда только она взяла ключи от чердака? Сразу повела в конец чердака. Наверное, уже была здесь, и не раз. В шифере били дырки от гвоздей, и сквозь них пробивались тонкие лучи. Странно, как это тогда крыша не протекает, если так много дырок? Оля открыла окошко и полезла в него.

– Стой! – Крикнула ей.

– Не бойся, я осторожно

Выскользнула наружу, зашуршали ее кроссовки по крыше, а потом затихло.

– Иди сюда, не бойся.

Я высунула голову из окошка, железный бордюр окружал край крыши, на вид он выглядел жестким, твердым и внушал доверие.

– Ну, иди же! – Услышала справа от себя ее голос.

Стала осторожно выползать. Все же страшновато. Шифер гремел, балки поскрипывали и чуть прогибались. Уцепилась за поручень, и на коленках доползла до Ольги. Та лежала на спине с закрытыми глазами, раскинув в разные стороны руки и улыбалась небу. Присела около нее и подняла голову вверх. Солнце припекало. От удовольствия я так же, как и она, заулыбалась.

– Страшно, – просопела я.

Ольга положила на мою ладонь руку, та была теплой. Она потянула за рукав к себе. Я осторожно легла на спину и, как она, закрыла глаза. Сюда не долетал шум города, хотя он вот тут, внизу. Здесь было тихо и одиноко. Услышала, как воркуют голуби, как где-то по крыше, постукивая коготками, прыгают воробьи. Спиной чувствовала жар, что шел от шифера, уже через минуту привыкла и теперь ощущала ветер.

– Здорово, правда? – Спросила меня Ольга, в ответ я только промычала. – Ты красивая, – прямо у самого уха услышала ее голос.

Заморгав от яркого неба, посмотрела ей в глаза. Оля наклонилась так близко, что я чуть было не оттолкнула ее, но она опередила меня. Схватила мою ладонь и прижала к горячей крыше, я вздрогнула, но не обожглась. Оля улыбнулась, нагнулась чуть пониже и прошептала.

– Ты красивая, – голос был такой бархатный и мягкий, я заморгала ресницами.

– Ты это чего? – Удивленно спросила и постаралась повернуть голову в ее сторону.

Но она не дала этого сделать. Чуть сильнее надавила на мою руку и снова зашептала, как будто и не слышала меня. Ее голос струился как ручеек, я не слышала ее слов, только инто-

нацию, только чувства, которые в них были вложены. Я таяла. Она просто заколдовала меня, со мной раньше такого никогда не было. А потом Оля замолчала. Смотрела в небо, там проплывали тонкие облака, сквозь них просвечивала оставленная самолетом дорожка. Удивительно, мне стало так легко, и если бы умела летать, то полетела бы. Оля чуть приподнялась, а потом провела своим теплым пальчиком по моему носику и коснулась губ. Слегка надавила коготочком на нижнюю губу, как будто приоткрывала мне рот, я не сопротивлялась. Она нагнулась и, еле-еле коснувшись моей щеки, поцеловала ее. С замиранием сердца я ждала, что будет...

– Пойдем? – Вдруг неожиданно сказала она и выпрямилась. В ответ я только кивнула и поспешила обратно в лаз под крышу.

– Зачем ты это сделала? – Уже спускаясь по лестнице в подъезде, спросила ее.

– Что? – Хихикнула она.

Не думала об этом, сама раньше целовалась со Светкой, но это было уже давно. Тогда мы решили проверить, зачем это взрослые целуются, что в этом такого. Но сколько мы не чмокались, так и не поняли зачем, а Светка еще пускала слюни. На следующий день, когда я увидела Ольгу в школе, сразу вспомнила ее шепот, нежный и такой ласковый. Непроизвольно опять вздрогнула. А вечером мы снова вдвоём полезли на крышу.

Шла по уже знакомому чердаку. Только сегодня солнышко почти не светило, оно спряталось за тучками. Ольга бежала впереди, а я старалась от нее не отставать. Выбравшись на крышу, сразу легла на спину и стала рассматривать чуть сероватые облака.

– Наверное, сегодня будет дождь, – решила я и прикрыла глаза.

Она прикоснулась к моему носику, как тогда, вчера. Провела пальчиками по щеке, они были теплыми. Ее пальчики нежно гладили мое лицо, а я не отрывала глаз от неба, не хотела, мне было приятно, и я заулыбалась. А потом ее губки мягко зашептали. Она как кошечка замурлыкала, в душе все защемило. Ее губки коснулись моей мочки уха, я вздрогнула. Она замерла, подождала, пока я успокоюсь, а потом снова поцеловала. Тело опять вздрогнуло. Но Ольга больше не ждала, продолжая мурлыкать свои заколдованные слова, она нежно целовала мое ушко, а я продолжала таять.

Почему так происходит? Одни и те же слова, но чувства разные. Одно и то же прикосновение, но ощущение иное... Небо и воздух были иными, даже время, и то остановилось. Она перестала мурлыкать, но ее слова продолжали звучать у меня в голове. Они повторялись, путались, то затихали, то снова звучали из подсознания. Пыталась их уловить, но они ускользали от меня.

Оля осторожно прикоснулась к моим губам. Так осторожно, что я подумала «Этого не может быть». Но она опять прикоснулась к губам. Ощутила ее мятное дыхание, оно было прохладным и тонким, как будто боялась меня сдуть. А потом она поцеловала. Я не знала, как целоваться. В кино совсем не то. Губы не слушались меня, я безмолвно то открывала их, то сжимала.

– Прекрати чавкать, – чуть сердито сказала Ольга.

Ее слова буквально огрели меня. Я вздрогнула и, заморгав глазами, уставилась на нее. Похоже, что у меня вид был еще тот, и Ольга звонко засмеялась. Села, первоначально не зная, то ли обидеться, то ли тоже засмеяться. Вдруг на меня капнула капелька, потом еще и еще, начался мелкий дождик.

– Я хочу пи-пи, – сказала она и встала, – ты не хочешь? – Спросила она меня и стала расстегивать джинсы.

– Что?

– Ты пи-пи не хочешь? – Но видя, что я не совсем ее поняла, повторила, – писать не хочешь?

– Вроде нет, – сухо ответила ей.

– Как знаешь, – так же сухо ответила она и, расстегнув джинсы, быстро стянула их до колен.

Я даже не успела удивиться, как Ольга подцепила пальчиками трусики. Они были голубые в горошек, как у меня в детстве. И так же спустив к коленкам, присела.

– Ну не стесняйся, все равно дождик начался.

Ее непринужденная выходка меня развеселила. Мне тоже захотелось похулиганить. А кто видит? Эта сторона крыши выходила на пустырь, а начавшийся дождик распугал редких прохожих. Так же, как и Ольга, сняв джинсы, я присела рядом. Две струйки зажурчали и потекли по крыше, мы смотрели друг на друга и смеялись.

Я еле улавливала ее шепот. На улице шумели машины, порой стекла вздрагивали от колес автобусов, что проносились у самых окон. Под порывом сквозняка форточка постоянно то открывалась, то закрывалась. Блики, что бросало стекло, прямо попадали мне в глаза, я сильнее зажмурилась. То все вспыхивало, то мгновенно погружалось во тьму. А я слушала ее. Не знаю, что она шептала, но ее слова, еле уловимый ветерок у мочки уха, жар дыхания и почти незаметное прикосновение ее губ. А потом...

Мы были в ее подъезде, на самом верху. За стеной гудел мотор от лифта, он то включался и начинал гудеть, то так же моментально останавливался, и наступала неловкая тишина. Ольга шептала, а я слушала неразборчивые слова. Губы шептали, а пальчики скользили по моей шее. Она шептала мне в ушко, я вздрагивала, а пальчики скользили по животику. Она мурлыкала. Говорила, что делает, а я слушала ее и позволяла ей это делать. Оля шептала слова и прикасалась к моей хрупкой груди. Чувствовала, как ладонь скользила по соскам, как в груди все щемило, как тело сгибалось, будто раненое, а она продолжала шептать и ласкать меня. Я, как маленький щенок, поскуливала, помахивая своим воображаемым хвостиком, прижималась к ней.

Ольга умела шептать, умела мурлыкать неизвестные мне слова, а я умела их слушать и подставлять свое тело ее рукам.

Я поняла, зачем взрослые целуются, зачем обнимают друг друга... Много поняла... Я слушала ее шепот и ощущала ее руки.

Ветерок

Добро невозможно раздать – оно все время возвращается.

Зачем я решила написать об этом и рассказать вам? Зачем вообще люди говорят или пишут, рисуют или дружат? Зачем?.. Множество ответов. Но наверняка у каждого он будет свой. Кто-то скажет, для того, чтобы поделиться впечатлением, переживанием, поделиться своей идеей, увековечить свои мысли. Неважно, кто и что скажет. Важно, как вы это поймете. Ведь в разное время одни и те же слова будут иметь разное значение. В юности слово «любовь» вызывает у вас чувство надежды, восторга. А в старости это же слово пробуждает в вас чувство грусти. Но эта грусть очень приятная. Это слово журчит как ручей. Хочется прикрыть глаза и признаться себе «я тоже любил». Ах! Скажете вы. Глупости! И пойдете по своим делам.

Зачем я решила написать об этом и рассказать вам? Наверное потому, что это мой секрет, а у каждого секрета должен быть его хранитель. Но наступает время, и мы рассказываем свои маленькие секреты подружкам, друзьям. Мы смеемся или плачем, а может просто молчим. У вас они тоже есть?.. Вот и у меня тоже есть свой секрет.

Итак, слушайте внимательно. Выбросьте из головы обыденные дела, сядьте поудобней в кресло, заварите кофе, возьмите маленькую пироженку, накройте ноги пледом – мы начинаем.

Со Светой я подружилась давно. Наверное, еще в начале, нет, в середине семидесятых годов, примерно в 75-ом, или 76-ом. Кажется, это было так давно... Впрочем, это же не удивительно, это было еще в прошлом веке. Смешно, как будто я старая. Светка неотразимая девчонка. Несмотря на то, что она такая молчаливая, и, как все ее называли, «тихоня», на самом деле у нее было так много энергии, так много идей, что она всех нас могла за пояс заткнуть.

Мы тогда переехали в новый дом. Маме дали квартиру на улице 50 лет Октября, настоящее захолустье. Это сейчас, спустя столько времени, этот район стал чуть ли не центром города. А тогда... Вокруг были настоящие болота, даже озера. Там водились утки. Чтобы пойти в город, надо было надеть сапоги и добраться по тропинке до автобусной остановки. Светка буквально на следующий день встретила меня на улице. Сказала, что видела, как мы переезжали и пригласила меня в гости. Как это было здорово! Почему? Наверное потому, что я считала себя трусихой. Не могла даже на улице спросить сколько времени, стеснялась. А тут такая удача. Я ей благодарна.

Школа рядом, магазины, кружки. Все рядом. Поэтому мы жили в своем небольшом мирке и редко выходили за его пределы. Разве что в кино. О... Тогда это был настоящий праздник. Нам так нравились индийские фильмы! Там так красиво, тепло. Песни и любовь. Каждое лето я улетала к своей бабушке в Душанбе. Там тоже тепло, много фруктов и солнца. Но однажды, вернувшись после каникул к себе домой, мне стало очень грустно. Было очень пасмурно и сыро. Грустно и обидно, что у нас не так тепло, не так светло и темнеет рано. Я просто заболела. Спасла меня от этой хандры именно Светка. Вырвала из дома, и постепенно все вернулось в обычную колею.

Я, как и любые дети, любила секреты, тайны. Мне жутко нравилось их коллекционировать. Готова была часами слушать всякую дребедень, но в конце получала заветное – секрет. Наверное потому, что умела слушать. Вот ко мне и бежали все, кому не лень. Ничего не говорила, просто слушала. Просила их не говорить, но они все равно рассказывали их. Не давала им никаких советов, просто слушала.

Сереежка. Он младше меня на один год. Но парень что надо. Однажды набросился на какого-то мужчину. Тот проходил мимо нашего двора, то ли от злости, то ли от какой-то досады пнул бездомную кошку. Тогда я и узнала про Сереежку. Он вскочил, догнал мужчину. Он был старше его, пожалуй, лет на десять, если не больше. Но Сергей не испугался и со всей силы пнул мужчину. Может он неправильно поступил, но он сделал ровно то же самое, что и тот мужчина той бедной кошке. Точно не знаю, чем это закончилось, может разбитым носом, может и хуже.

Сереежка рассказал, что на параллельной улице стоит дом. Там еще общежитие, но не это важно, а то, что в этом доме есть подвал, вот он-то и представлял для него интерес. Его друзья говорили, что если спуститься в подвал, неважно даже когда, найти его середину и загадать желание, то оно обязательно исполнится. Я, конечно же, не верила в эту чушь. Это сказки для малышей. Мне в том году исполнялось пятнадцать лет. Считала себя жутко взрослой, что уже выросла из того возраста, когда можно верить в байки. Но Сергей просил ему помочь. Он смелый парень. Но как раз в этом доме и проживало несколько парней, с которыми он никак не мог найти контакт, а самостоятельно с ними вступать в борьбу не мог. В общем, они были не из нашего двора, вот и все. Поэтому были чужаками. Все это понятно. Но почему я? Зачем ему нужна я? Ответ оказался очень простым и логичным – я старше. Сереежка просил меня на некоторое время выступить в роли его сестры, тогда парни из общаги на него не дернутся. Меня он сразу убедил, уж слишком все честно сказал. Чем рискую? Да, впрочем, ничем.

На следующий день сразу после уроков мы сбежали с ним в тот подвал. Не так-то просто в него попасть. Все двери либо заколочены, либо закрыты на ключ. Тогда мы обошли вокруг дома и внимательно осмотрели все окошки, что вели в подвал. Из них только одно было без решеток. Но там было очень темно, и оно выходило прямо на улицу. Мы долго стояли и ждали, когда народ немного рассосется. Не дождавшись, я сказала ему, чтобы он лез, а я его прикрою. У нас прохожие – это всезнающий народ, как бабульки в деревне. Все-то им надо знать, зачем, и что это мы делаем. Им-то какое дело? На вопросы я отвечала: «В подвал моя кошка убежала. Вот я и попросила, чтобы ее нашли». Больше вопросов с их стороны не было. Я ждала минуту, потом еще, потом еще... Прошел автобус, а через какое-то время еще один. По этой улице вообще автобусы очень редко ездят. Всегда считала, что счастливчик тот, кто дождался автобуса. А тут целых два проехало. Неужели так много времени прошло?

Сергея, шурясь, вылез из подвала. На нем была какая-то паутина. Казалось, что он там по-пластунски ползал. Весь в пыли. Даже плечо было в чем-то черном. Похоже, мазутом испачкано. Схватила его за руку. После мрака подвала я боялась, что он ничего не видит. Но сказать честно, больше боялась этого незнакомого враждебного района.

Шли быстро. Как только отошли на безопасное расстояние, я начала жадно его расспрашивать, что там, как там, что случилось, почему так долго и вообще, что загадал? Но он только мотал головой и что-то невнятное бормотал. Я поняла только одно, что желания не разглашаются во избежание их провала.

Шло время. Я занималась своими делами и в какой-то момент потеряла интерес, а после и вовсе забыла про этот подвал. Если бы не Сергей. Однажды он прибежал ко мне. Его лицо сияло от радости. Он был так рад, ну как будто выиграл в спортлото.

– Получилось, получилось! – он старался говорить спокойно, но было видно, как он сильно взволнован.

– Что получилось? – единственное, что я смогла спросить.

– Ну, понимаешь..., – он замахал руками, показывая куда-то за дом, – то желание, что я тогда..., – и снова замахал руками.

– Да не тяни! Говори толком, что именно? – Мне было самой жутко интересно узнать, что. Поскольку я уже поняла, о чем идет речь.

– Оно просто взяло и сбылось..., – он развел руками и сел на скамейку.

– И давно это случилось? – Зачем спросила? И так было понятно, что его желание сбылось. Если и не сейчас, то узнал он об этом недавно.

– Понимаешь..., – он постарался набрать в легкие побольше воздуха, – я давно хотел записаться в кружок, но меня не взяли. Сказали, что не подхожу, что нет первоначальных навыков, что я слишком мягкий. Ну в общем не взяли.

– Постой. Конкретно куда не взяли? – Я старалась разобраться в его словах. Может я что-то упустила. – В какой кружок?

– Ну, помнишь, еще в прошлом году в Динамо открылся кружок по карате?

– Нуу, понятно тогда...

– Туда меня и не брали. Ты бы видела, какая там была очередь! Все приходили с родителями, а я пришел один. А в этом году..., – он опять начал махать руками.

– Да постой ты! В конце-то концов, что в этом году?

– А в этом году... с тобой... когда я загадал желание..., – он спокойно опустил руки, – в общем, меня приняли.

– Здорово!

Конечно же я не думала, что это из-за того, что он загадал желание. Наверное, Серега все лето занимался спортом, вот и взяли. Я прекрасно понимала его. Ведь все парни в нашем дворе и в классе только и говорили про этот кружок. Получалось так: кто ходил в кружок, в свобод-

ное время устраивал свои секции, будь то у себя дома или во дворах. В общем, передавали эстафету. И что они такого нашли в этом?

Я была рада за Сергея, что у него все получилось. Но на этом история с подвалом не закончилась. Через некоторое время до меня стали доходить слухи, что загаданные желания исполняются. То у Веры (мы с ней вместе учились и жили в одном подъезде), то у Виталия, что жил напротив нашего дома, то у Кольки «ворчливый бычок» (так его прозвали мы со Светой за его спокойный характер и длинные ресницы). Что это вообще было? Шутка? Или они и вправду верили в исполнение желаний? Мол, просто возьми, загадай, и оно само по себе исполнится. Чушь!

Однажды я посмотрела фильм Тарковского «Сталкер». Мрачный фильм. И как его вообще можно было смотреть, даже не знаю. В нем не было ни музыки, ни любви. Все было серо и скучно. Но чем дальше шел фильм, тем становилось интереснее. Герои шли к месту, где исполняются их желания. Но вот проблема: какие желания? Мы хотим, чтобы исполнилось наше самое заветное желание. Мы так мечтали о нем и вот произносим его... Но исполняется не оно, а другое... Мы возмущены, удивлены, расстроены... И все почему? Да потому, что не все желания являются истинными, от души. О чем мы думаем, и чего мы хотим – это разные вещи. Так и в «Сталкере». Желаеть одно – получаешь иное. Самые потаенные мысли говорят о другом. Я хочу богатства, а не здоровья. Я хочу славы, а не знаний. Я хочу...

Уже закончился сентябрь. Я так легко вошла в школьный ритм. Хотелось скорее закончить школу, хотелось пойти учиться в университет. Мне хотелось так много, но мне хотелось и другого. Вы спросите, чего же именно? Не могу ответить, иначе это не будет моим секретом. Но после всех этих моментов, что крутились вокруг меня, с этими желаниями, я начала подумывать, а может стоит? Да, именно может стоит попробовать? Ведь во мне до сих пор жил дух сказки. Добрая фея? Что может быть прекрасней? Загадать – может и вправду исполнится? Если и нет, то опять, чем я рискую?

Как и большинство девчонок, я вела дневник, и в нем я решила написать свои желания. Полная чушь... Чего я только не хотела! И туфли на каблучках, и платье с вырезом, и магнитофон, и книги... О! По ним получился такой большой список! В общем, могла исписать не одну страницу. Но потом поняла, что все это не так. Это были не желания. Именно тогда я и решила пойти и взглянуть, что это за таинственный подвал. А там будь что будет. Может, и не буду ничего желать. Своим здравым взглядом понимала тщетность данной попытки, но в душе уже верила в исполнение желаний.

Уже несколько раз я подходила к дому, но даже не решалась войти во двор. Разворачивалась и уходила. Уверяя себя, что это и вправду ерунда. И какая я глупая, что поддавалась на сказку. Но проходил день-другой. Во мне снова все начало бурлить. Мысли не давали покоя. Даже вечерами, ложась спать, я думала об этой удивительной сказке про исполнение желаний.

В тот день я проходила... да, действительно проходила мимо. Я не была там специально. И вообще, это был выходной. Мама с утра уехала на дачу. И что они в этой даче находят? Грядки, сорняки, спина болит и все ногти грязные. Так вот. Я проходила мимо. Вдруг меня как будто кто-то одернул за руку. Не останавливаясь, я повернула голову. По близости никого не было. «Странно», подумала я и пошла дальше. Но стоило мне сделать всего несколько шагов, как кто-то коснулся моего плеча. Остановилась, настороженно посмотрела назад. Но и в этот раз никого не было.

И только тогда осознала, что стою у того самого дома и почти у того самого окошка, куда в подвал залезал Сергей. Мне стало как-то не по себе. «Почему, я вообще чего-то боюсь, что в этом такого? Да впрочем ничего». Ответила сама себе и пошла во двор. Двор как двор. Куча мусора, сломанные скамейки, редкие машины и бачки. Это «гениальное» изобретение, чтобы жильцы сами разбирали свой мусор по кучкам – ерунда. Все в кучу. Быстрым шагом пошла к первому подъезду. А где еще должен быть вход в подвал? Только там. Я помнила это еще

с прошлого раза. Не задумываясь я взялась за кривую ручку и открыла дверь в подъезд. В нос ударил кисловатый запах давно не мытой лестничной площадки. Долю секунды еще думала, но уже в следующий момент перешагнула порог и пошла к двери, что вела вниз.

Дверь как дверь. Сотня таких. И почему она закрыта? Что там хранить, от кого запирают? Посмотрела на замок, что висел на двери. Ржавые ушки сильно перекошены. Наверное, пытались открыть силой. Подошла поближе. Где-то на третьем этаже или чуть выше хлопнула дверь. Сердце екнуло. Стало так неловко, как будто что-то украли и меня застали на месте преступления. Оглянулась на дверь, в которую только что вошла. Но вместо того, чтобы выйти, наоборот начала подниматься вверх.

Женщину, что вышла из квартиры, встретила на втором этаже. Она и правду спускалась с третьего этажа. Она прошла мимо, не заметив меня. Я стояла на лестничной площадке и ждала, когда она выйдет на улицу. Хлопок двери, и на сердце стало легче. Обратно спустилась. С каждым шагом становилось все трудней и трудней это делать. «Чего опять боясь!?!», то ли вопрос, то ли ответ. Сама себе сказала я. Подошла к двери подвала и замерла. Замок висел на месте. Все было также, как и минуту назад. Все равно закрыто. Чего переживать? Но для успокоения совести дернула замок.

Странно, но замок не был закрыт. Мне стало холодно. Может так и должно быть. Он висит так, для отвода глаз. Посмотрят, что висит, вроде бы и закрыт, а на самом деле нет. Металл был холодным, хотя сегодня на улице было очень даже жарко. Поговаривали, что в этом году идет бабье лето. Вот и я с самого утра бегала в одном платье. Но замок все же был очень холодным. Это мой страх. Эта мысль скользнула где-то внутри меня. Стразу стало спокойно, ведь и вправду боюсь! Но чего? Взяла замок, аккуратно его открыла, толкнула дверь. Там никого не могло быть, поскольку дверь была закрыта снаружи. Я шагнула в подвал.

Показалось, что вошла в никуда. Так было темно. Сперва просто растерялась. Была поражена этому состоянию. Вот так просто, темно и все. За спиной послышались шаги... Быстро шагнула в пустоту и с силой захлопнула за собой дверь. Идти дальше не могла, страшно. Сердце колотилось. Я оперлась спиной в дверь, которая еще дрожала от моего удара. Стало совсем не по себе. Совсем близко хлопнула входная дверь в подъезд. Казалось, что это вот тут, прямо около меня. Почувствовала, как воздух зашевелился. Сильней оперлась о дверь, как будто боялась, что кто-то зайдет. Шаги зашаркали, на мгновение остановились. Чего он ждет? Прислушалась. Через секунду шаги начали подниматься. Я с облегчением вздохнула.

Еще какое-то время стояла вот так неподвижно, опираясь на дверь. Ноги потихоньку начали дрожать. Я почувствовала это, вздохнула поглубже. «Что это я совсем...», постаралась я успокоить себя, но все равно было страшновато. Прошла минута и стало легче. Мои глаза начали привыкать к темноте, уже различала очертания стен. Увидела ящик, какое-то гнущее ведро, стул, тряпки. Мне стало интересно, присмотрелась. Свет был достаточно ярким для такого помещения, он исходил откуда-то издалека, наверное, из одного из тех самых окошек, что выходили на улицу. Глубоко вздохнула и тут обнаружила, что ноги не дрожат, да и почему им вообще дрожать? Здесь нет ничего страшного. И все же перед тем как отойти от двери, я постаралась дотянуться до стула, что стоял почти рядом. Наконец-то я с большим трудом взяла его и подперла им дверь. Так, на всякий случай, вдруг кому-то вздумается зайти.

Первые шаги давались тяжело. Казалось, что за углом кто-то сидит. А вдруг здесь кошки или еще хуже – крысы. Только от этой мысли мне уже захотелось убежать. И все же я не могла этого сделать. Во мне играло не просто упрямство, я должна не только доказать себе, что не боюсь, но мне все же хотелось загадать желание. Может оно и сбудется.

Подвал представлял собой длинный коридор. В начале и в конце были маленькие зарешеченные окошки. По краям отходили небольшие углубления. Наверное, они копировали помещения первого этажа и были похожи на комнатки. В некоторых таких комнатках тоже были окошки. Постепенно мои глаза привыкли к полумраку. Уже без страха я начала обследовать

помещение. Вокруг валялись какие-то старые вещи. Был даже разбитый телевизор, но его весь разобрали. Наверное, парни принесли его сюда и как клад оберегали, а после, не выдержав, растащили по запчастям – на сувениры. Там еще были ванны, всякие трубы. В общем, всякая ерунда, ничего интересного. Под ногами шуршал песок. Не спеша я прошла весь подвал. Обследовала буквально каждую комнатку. Ну для того, чтобы убедиться, что никого нет. И когда закончила его инспектировать, мне стало смешно. Да, именно смешно. Чего это я вообще так струсилась!?. Я побежала по длинному коридору, перепрыгивая через трубы.

– Итак, где же здесь середина?

Мой голос прозвучал необычно глухо, как будто сказала шепотом. Непроизвольно мои плечи приподнялись, я прислушалась.

– Середина там, где есть середина... – это была железная логика, но как ее найти?

Повернулась направо. Окно было далеко. Повернулась налево. Окно было близко. Значит надо отойти, чтобы окна были одинаковыми. Так и сделала. Найдя середину, оказалось, что я стою буквально напротив того самого небольшого окошка. К тому же единственного окошка без решетки, в которое и залез Сережка. Странно. И чего тогда он так долго здесь сидел? В окне были видны ноги прохожих. Их было немного, но все же складывалось впечатление, что они знают, что ты здесь, смотрят, думают. А вдруг кто-то вот так возьмет и заглянет сюда. А если и еще хуже – полезет. Что тогда?

Непроизвольно я сделала несколько шагов назад, ближе к тени, ближе к проходу. Там, где меня не могли увидеть. В конце концов, середина – эта комната. А у комнаты есть вход и выход. И они тоже в середине... Сделав этот вывод, я отошла еще на несколько шагов назад.

«И что теперь? Что дальше?» Я не могла ответить на свои вопросы. Вот я тут. Там, куда так стремилась и так боялась. «Я тут, и что делать дальше?» Растерялась. В голове не было мыслей, их как ластиком стерло. Была чистота. Нет – не пустота, а именно чистота. Как будто перед тобой чистый лист бумаги и что хочешь, то рисуешь, любое желание.

Постаралась думать, но ничего не получалось. Мне хотелось на чем-то сосредоточиться, вспомнить о том, что раньше писала в своем дневнике. Получался какой-то полный абсурд, просто отрывки мыслей, где порой не было ни начала, ни конца. Так я стояла долго. По крайней мере мне так показалось. Это напомнило детство. Мне нужно было вырвать зуб, он так шатался и ныл. Папа привязал к нему ниточку и дал ее мне. Я боялась ее дернуть. И вот так стояла и ждала. Знала, что все равно, сейчас или позже, но вырву его.

Стояла в нерешительности. А впрочем, что я теряла и что приобретала? А после закрыла глаза. Стало намного легче. Ничего не стало отвлекать, даже эти пятна на стенах. Уличный шум куда-то пропал. Я осталась одна. Вот так просто. Взять, закрыть глаза и все.

Почувствовала свет в темноте. Знала, что его нет. Наверное, просто вспомнила, как на меня светит солнышко и пригревает, захотелось подставить щеку под него. Стало тепло.

Вы когда-нибудь просыпались рано-рано? Выходили на балкон и смотрели на восход солнца? Если нет, то вы многое потеряли. Это не романтика, это больше, это настроение. Солнышко медленно поднимается. Сперва светлеет небо. Из черного оно превращается в темно-голубое. Еще немного, и вот уже появляется розовый оттенок. Это как рождение, как цветок, как просто любовь. Ее нет, но она цветет в тебе и стоит только подождать совсем немного, посмотреть на нее, и она тебя обнимет, поцелует. Солнце постепенно поднимается. Ты его еще не видишь, но лучи уже прорезают утреннюю дымку. Росчерк карандаша, и вот край солнышка загорается. Совсем чуть-чуть, и в следующий момент уже вспышка... Ты прикрываешь глаза ладонями, закрываешь их, а после разводишь руки и летишь...

Я стояла посреди темноты и чувствовала свет. Захотелось вот так же развести руки. Стало легко, как будто стою на краю скалы. В лицо дует ветер, а впереди высота. Да, высота. Но нет страха, я ведь знаю, что стою на земле. Чувствую эту высоту. В какой-то момент пошевели-

лась. Руки качнулись в такт, как будто балансирую. Теплый ветер дул в лицо. Подняла повыше подбородок и загадала желание.

Мягкая вспышка света.

Тишина.

Время застыло, его не было. Я просто стояла и все. Сколько прошло этого самого времени, не знаю... Может много, а может совсем чуть-чуть. На душе было просто очень приятно.

Чувствовала, как по ногам гуляет ветерок. Он как будто струился где-то там внизу, касаясь только лодыжек. Посмотрела на него, ну не совсем посмотрела, глаза были закрытыми, и в то же время я видела его. Он был теплым, как будто только что прилетел с поля, даже почувствовала его запах. Тонкий, еле уловимый.

Стояла и наслаждалась своим состоянием. Что смогла сделать задуманное, что не испугалась, и что вот теперь, наверное, мое желание, как и у всех, сбудется. Как в это хочется верить.

Ветерок коснулся ног, отлетел в сторону, все затихло, и тут же опять налетел на меня. От этого неожиданного столкновения у меня перехватило дыхание, как будто упала с высоты. Я закачалась.

Было тихо, совсем тихо. Где-то в голове раздавалась музыка. Не могла понять, что она из себя представляет: скрипка, флейта, саксофон или гитара. Не знаю, но чувствовала ее мелодию.

Ветерок снова коснулся моих ног. Он ударился о них как о стволы деревьев. Прошел между ними, скользнул к земле, и, оттолкнувшись от нее, поднялся резко вверх. Ткань платья заколыхалась, надулась и тут же опала. Как будто стою на облаке. Ноги не чувствуют под собой почвы. Встала на носочки и подняла руки вверх, пальцы коснулись потолка.

Ветерок как нежный котенок терся о ноги. Он то подлетал ко мне, то снова пропадал, но обязательно возвращался и крутился вокруг меня.

Ветерок снова подул снизу вверх. Сперва слегка, а после все сильнее и сильнее. Сложилось впечатление, что он пытается оторвать меня от земли. Платье колыхалось под его струями. Оно то трепыхалось, то успокаивалось, то, резко надувшись как китайский фонарь, медленно поднималось вверх. В этот момент мне казалось, что я уже лечу.

Ветерок коснулся моей кожи, чувствовала это каждым волоском. Выступили маленькие мурашки. Но это был не холод, что-то иное, знакомое и такое новое. Сердце заныло. Впрочем, оно не могло ныть. В душе творилось что-то невообразимое. Оно то сжималось, то вновь раскрывалось как бутон цветка. Мне захотелось потянуться, почувствовать каждую мышцу. Чтобы напряжение тела, коснувшись меня, вырвалось из-под контроля и тогда... помчалась бы в никуда.

Ветерок гулял под платьем. Он умудрился проскользнуть под поясом. Коснулся живота, а после, как выдох, выскользнул из-под ткани. Платье снова осело, сдулось. Паруса опали, и наступила тишина спокойствия. Стало легко, будто с плеч упала тяжесть. Наклонила голову набок. Хотелось, чтобы кто-то коснулся ее, провел по щеке, а после по шее. Невольно подставляла лицо незримой руке. Порой мне казалось, что чувствую, как она касается волос, ресниц. Стало щекотно, я моргнула, но ощущение не растворилось.

Ветерка не было. Мне стало не хватать его свежести, его слабой прохлады. Опустила руки, почувствовала, как с потолка посыпался мелкий бетон. На кончиках пальцев осталась пыль. Стало душно. Сама коснулась своей шеи. От этого прикосновения чуть вздрогнула. Все еще чувствовала воображаемую руку. И когда коснулась себя... Мгновение страха, а после осознание ошибки... И снова наступило спокойствие.

Слабый, очень слабый, еле уловимый ветерок пробежал мимо меня. Дотронулся коленок. Прижала ладони к груди, сердце билось. Не открывая глаза, я видела его. Пальцы робко зашевелились, нащупали пуговицу, коснулись ее, покрутили, как бы проверяя на прочность нитку, на которой она была пришита, а после нерешительно просунули ее в петельку. Мои пальчики

осторожно расстегивали одну пуговицу за другой, пока не коснулись пояса. Руки сами опустились, вместе с ними опустилась голова. Сквозь закрытые веки я видела свою грудь. Она была маленькой. В моем возрасте каждая девушка уже носила лифчик, простой и неуклюжий лифчик.

Рука, что гладила мои щеки, коснулась плеч. Прикосновение было прохладным. Но именно потому, что оно было прохладным, мне стало особенно приятно. Подняла голову и погрузилась в себя. Мои руки спустились с плеч платья. Пальцы коснулись лямок столь бессмысленного лифчика. У меня появилось жуткое желание от него избавиться. Быстрыми лихорадочными движениями я расстегнула его. Он как панцирь раскрылся. Вдохнула всей грудью. Я опять ощутила его присутствие. Пальцы забегали в попытке снять его, но запуталась в рукавах, и только спустя какое-то время мне удалось его сбросить. Да, сбросить. Почему-то он стал мне так ненавистен. Только избавившись от него, я смогла спокойно вздохнуть.

Свет, слабый свет. Он медленно нарастал. Вместе с ним появился ветерок. Он, по знакомой мне привычке, скользнул к ногам, раздул подол платья. Перестала чувствовать ткань. Ветерок нежно обнял меня за плечи. Мне так захотелось облокотиться на него, прижаться и обнять. Развела руки. Ветерок коснулся груди. Щелчок внутри, и я как раковина начала закрываться. Медленно, но неотвратно. Руки согнулись в локтях. Я прижала их к себе. Чувствовала, как он выскользнул из моих объятий и ушел куда-то вниз. Я стояла погруженная в себя, а в голове прокручивались сюжеты последних секунд. Что-то было иное, знакомое и такое новое.

В следующее мгновение новые чувства поглотили меня. Они будто заразили мое тело. Я ощущала все и сразу. Коленок коснулась рука.

– Ах! – от неожиданности сказала я.

Тепло рук, а под ними гусиная кожа. Сжалась. Ветерок был везде, он кружился вокруг меня. С трудом дышала. В груди заныло, это знакомое чувство. Я склонилась и застонала. Мне казалось, что меня разрывают на части. Но не было боли, только тоскливое блаженство. Еще больше согнулась. Еще немного, и со мной что-то произойдет.

По спине прошелся ветер. Стало прохладно, а затем и холодно. В надежде защитить себя, я сжалась в комок. Мои глаза открылись. Кроме размытых пятен на полу я ничего не могла разобрать. Не могла понять, где я, что со мной? Холод сковывал тело. Посмотрела на свои дрожащие руки и с ужасом обнаружила, что по пояс раздета. Сгибаясь к земле, быстро натянула платье, пальцы лихорадочно начали его застегивать. Стало еще холодней, ноги задрожали. Поняла, что еще секунда и упаду. Не дожидаясь этого момента, я бросилась бежать к выходу.

Полет. Длинный полет. Это было просто падение. Упала на песок, при этом успев выкинуть вперед руки. Все произошло так быстро, что даже не осознала, что вообще произошло. «Споткнулась» – была первая мысль. Лежала и не шевелилась. Ныли ладони, ушибленные колени. Зато исчез сковывающий холод и не было ветерка, совсем не было. Лежала и слушала. Где-то вдали гудят машины, слышны голоса. Я даже слышала, как шуршит листва на улице.

«И чего это я разлеглась?». Но вставать не хотелось. Смотрела в пустоту и вспоминала себя там... Как это было приятно. Вот и загадывай после этого желания. Сбудется не то, чего ты хочешь, а то, чего желаешь. Я лежала, а вставать совсем не хотелось.

Прошло какое-то время. Приподняла голову, посмотрела в сторону окошка. Слабый свет струился сквозь решетку. Подогнула ногу, но что-то мешало мне это сделать, что-то сковывало ее. Присела и посмотрела на ноги. Что это, веревка или тряпка? Я протянула руки к ней. Что-то непонятное чуть ниже колен обхватывало две мои ноги, делая их единым целым. Где это я смогла запутаться? Пальца шупали ткань. Где запуталась? Глупый вопрос. На него ответ только один ответ – нигде. И все же я старалась припомнить мельчайшие подробности последних минут. На ощупь ткань была мягкой, светлой без рисунка. Потянула ее. Что это? Задав сама себе вопрос, уже знала на него ответ – это была резинка. Ладонь скользнула под подол платья, я замерла – это были мои трусики.

Посмотрела по сторонам. Встала. Сняла с колен трусики и поднесла их поближе к глазам. Стало смешно. Пальцы коснулись бедер. Почувствовала их сквозь ткань платья, на мне и вправду не было трусиков. Еще раз оглянулась по сторонам, было тихо. Сложив их как носовой платок и зажав у себя в кулаке, пошла к выходу.

Стул стоял там, где его оставила. Прислушавшись, что творится в подъезде, приоткрыла дверь. Все спокойно. Вышла, закрыла дверь на замок. Ушла.

Вы хотите спросить меня, а сбылось ли мое желание?

Закрываю глаза, поворачиваюсь к окну и задумываюсь. Молчу, а после загадочно улыбаюсь и отвечаю. Да! Сбылось... Но не совсем так, как я думала. Наверное, время внесло свои коррективы. Насколько это лучше, не могу судить, поскольку иного не могу знать.

С того момента прошло более десяти лет. Я болела, училась, любила и была любимой, росла и все так же продолжала мечтать. После института вернулась к себе домой, в свой любимый город. В нем все казалось новым. Город вместе со мной поменялся. Он вырос и стал каким-то иным, но оставались неизменными липы в парке, голуби и эта осенняя грязь.

У меня еще было много времени до начала работы. Да, как и любой гражданин, я после учебы устроилась на работу. Мне удалось избежать такой ужасной участи, как распределение, когда тебя могут без твоего желания послать в деревню лечить бабушек и выслушивать ворчанье мужиков. В общем, мне повезло. До начала работы было еще две недели, и оставшееся время постаралась использовать как маленький отпуск. Бродила по городу, заходила к друзьям, пила с ними чай, слушала их рассказы, смотрела фильмы и читала книги.

В этот раз я также неожиданно оказалась около того дома. Много раз про него думала. Считала глупостью сюда возвращаться. Что было, то было – вот был мой ответ. И все же я стояла напротив него, смотрела на облупившиеся стены, грязные окна и кучу листвы. Был такой же день, как и тогда – осень. Надо же такому быть! Как тогда – бабье лето.

Посмотрела на зарешеченные окошки. Что там сейчас? Интересно, кто-нибудь после меня там был, загадывал желания, или эта было только нашим помешательством? Не могла ответить на это, поскольку никто из моих друзей не заикался про этот подвал. И я молчала.

Смотрела на него, и во мне просыпалось любопытство еще раз взглянуть. Но тут же сама себе говорила: «Уже не маленькая, брось эту ересь». И все же пошла. Просто взяла и пошла. Подошла к подъезду, он был открыт настежь. На полу валялись газеты, банка с засохшей краской, кирпич и моток проволоки. Не останавливалась, как будто шла по делу. Зашла в подъезд, и не задерживаясь ни на мгновение, пошла к двери, что вела в подвал. Она, как и в прошлый раз, была закрыта, но только вместо замка в ушки двери была воткнута проволока. Быстро размотала ее, открыла дверь и вошла внутрь.

Наверное, потому, что была готова к темноте, мне не показалось, что там мрак, а наоборот, удивилась тому, что так светло. Вроде бы не было лампочек, но свет струился от пола. Лучи света проникали с улицы, они отражались от окон дома, что стоял напротив. Я смотрела на этот большой зайчик. Он медленно подергивался из стороны в сторону. Наверное, окно, от которого он отражался, не было прикрыто, и поэтому зайчик бегал за стеклом.

Пошла вглубь подвала. На полу был все тот же песок. Он был сухой, и поэтому идти было приятно. То ли потолок опустился, то ли я выросла, но мне приходилось каждый раз наклоняться, когда проходила очередную комнату. Теперь тут лежали новые вещи. К ним прибавился диван, кресло. Кто-то устроил для себя уютное гнездышко. В конце подвала были аккуратно сложены доски, лопата для уборки снега, ведро и еще несколько вещей. Все было как тогда, только чуть-чуть изменилось. Вернулась, встала напротив того самого окна, в который залезал Сережка. Подошла к нему. Смешно смотреть на людей снизу. Я их вижу, а они меня

наверняка нет. Здесь темно, и поэтому не могут видеть меня. Еще какое-то время постояла и пошла обратно. И вдруг услышала, как что-то упало где-то в самом начале подвала.

Остановилась, прислушалась, но ничего не происходило, было тихо. «Вот дуреха» – сказала сама себе и шагнула дальше к проходу. Но стоило мне посмотреть направо, как инстинкт самосохранения отбросил мое тело назад. Там кто-то стоял. Не могла его видеть. Большой солнечный зайчик, что светился на полу, загораживала чья-то фигура. Сердце заколотилось. Я понимала, в каком положении оказалась. Просто глупость. Надо выйти и сказать, что зашла случайно. Ну в крайнем случае придумать историю, что на улице в окошко у меня что-то упало, вот и зашла сюда, чтобы забрать свое. Но чем дольше думала, тем больше сомнений.

А может просто подожду, когда он уйдет? Но сколько придется ждать? Вдруг он придет и увидит меня, вот будет конфуз. Нет, лучше выйти. Я так и сделала. Шагнула вперед, и не спеша, чтобы не ударится о переборки в потолке, пошла вперед.

Человек стоял, загораживая свет. Не могла понять кто это. Фигура стояла неподвижно. Яркий свет светил мне глаза, от этого никак не могла разобрать лица. Чтобы свет не светил мне в лицо, я отошла в сторону и тут увидела просвет платья. Да, это было платье. Сквозь него пробивалось отражаемое солнце. Под тканью четко видны ноги. Солнце так ярко светило тело человека, будто под рентгеновскими лучами. Еще немного, и я бы увидела косточки. И вдруг луч света скользнул в сторону и пропал. Закрылось окно. И сразу в подвале стало темно.

Вместе с мглой спустилась тишина. Время поплыло. Отошла в угол комнаты. Захотелось раствориться. Боялась напугать ее. Несмотря на яркий свет, мне не удалось рассмотреть, что незнакомка стояла ко мне спиной, а значит не могла меня видеть. Осторожно отошла как можно дальше вглубь комнаты, присела и стала ждать.

Было тихо. Я не слышала ничего. Слабое пятно света лежало на земле. Так устроен человек, что в момент опасности он старается скрыться, спасти себя. Вот и я заползла в самый темный уголок комнаты. Мои глаза все никак не могли привыкнуть к темноте. В глазах все еще плясали солнечные зайчики. Они сливались, разбегались, принимали причудливые формы, меняли свой цвет. В общем, творили что хотели. Поэтому, когда она появилась в проеме, я сперва не поняла, что это вообще. Заморгала в надежде, что световые галлюцинации пройдут.

Ее фигурка... Да, именно фигурка. Ростом она была небольшой, всего-то метр пятьдесят. Даже не присматриваясь, я смогла определить, что фигурка принадлежит девочке, что она в платье, что у нее длинные заколотые волосы и что она здесь впервые. Ее шаги были робкими, она ступала как будто с закрытыми глазами. Руки осторожно вытянуты вперед. Носочками ног она нащупывала землю и, убедившись, что ничего ей не грозит, делала осторожный шаг.

Смесь моих световых пятен и ее медленная походка давали ощущение нереальности, как будто этого нет, а только мое воображение. Я прикрыла глаза. Сразу стало легче. Все мое внимание перешло в слух. Услышала шум машин, карканье ворон, чьи-то голоса и все. Медленно открыла глаза. В проходе комнаты, где я пряталась, никого не было. Любопытство взяло верх. С трудом оторвала руки от шершавого бетона, сделала первый шаг.

Заглянув за выступ стены, чуть было не вскрикнула от неожиданности. Девочка стояла буквально в метре от меня. Если постараться, то могла бы даже до нее дотянуться. Она не видела меня, поскольку стояла ко мне спиной. Услышала ли она мое приближение? Почему остановилась? Вообще, что мне делать?

Моя нерешительность затянулась. Девочка тоже стояла и не шевелилась. Может ждала, когда я что-то скажу. А если она не знает, что здесь еще кто-то есть? Если пошевелюсь – испугается. Если взять и уйти... Но и это тоже вызывало во мне сомнение. Вдруг услышит и опять испугается, что тогда делать? Вот так просто стоять и все.

Не знала, что делать. От затянувшейся нерешительности время шло. Смотрела на спину девочки. Она была еще юной. Наверное, класс седьмой-восьмой. Лопатки торчали в разные стороны. Ножки выглядели костлявыми. Впрочем, наверное, так выглядят все ножки девчонок

в этом возрасте. Носки были слегка сведены вместе, кружевные носочки, как бахрома цветка, обрамляли лодыжку ноги. Волосы светлые, деревянная заколка, платье с широким поясом. Да, впрочем, наверное, и все. Ее руки все также были выставлены вперед. Она застыла, как будто время для нее остановилось. Я только видела, как она дышит. Осторожно, будто боясь кого-то спугнуть.

Наверное, она бы еще долго так простояла, если бы где-то в подвале что-то не шлепнулось. Может, ящик или что-то подобное. От этого неожиданного шума я сама вздрогнула и резко сделала шаг назад, в темноту. Увидела, как девочка перестала дышать, как она опустила руки, как медленно повернула голову назад, ища тем самым источник шума.

Какое-то время она стояла в нерешительности. После снова повернула голову вперед, сделала несколько шагов в сторону. Ее фигурка осветилась светом, что проникал сквозь боковое окошко. Я вспомнила, что это центральное окошко. После девочка сделала шаг назад, еще и еще, уходя все дальше и дальше в тень.

Мне захотелось уйти, не мешать ей, но не могла этого сделать по нескольким причинам. Во-первых, боялась спугнуть ее. Во-вторых, мне было стыдно, что если она увидит меня, то поймет, что я видела ее. В-третьих, мне было чертовски любопытно наблюдать за ней.

Наверное, последний аргумент был основным.

Я осталась и смотрела на нее. На то, как она подняла свои тонкие ручки кверху, ее пальчики коснулись потолка, сверху посыпалась пыль штукатурки. Внутри меня что-то просыпалось, что-то знакомое, и в то же время такое далекое. Смотрела на нее, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее мне хотелось вспомнить. Но что?...

Ее фигурка покачивалась как тонкий ствол большого цветка. Казалось, что ей тяжело держать голову. Она ее то клала на бок, то поднимала, то опускала. Было похоже на какой-то танец, который я не могла понять. Завороженно смотрела на нее. Она казалась мне такой необычной, но в чем была эта необычность, я не могла сказать.

Почему-то знала, что девочка закрыла глаза. Почему знала? Просто знала и все... Иначе и не могло быть. Вспомнила, как когда-то много лет назад я была здесь же. Кажется, столько времени утекло.

Иногда с нами подобное происходит... Вы идете по городу, вам просто хорошо. Вы подходите к киоску, покупаете мороженое и идете дальше. Но вы и не думали его покупать, просто оно вдруг оказалось в ваших руках. Подносите его к губам, облизываете молочную свежесть и только почувствовав его сладкий вкус, удивляетесь... А откуда вообще взялось это мороженое? Вы не помните, как его покупали, как об этом думали, как положили в сумочку сдачу. Вы этого не помните. Вы просто держите мороженое в руках и наслаждаетесь его вкусом.

Еще минуту назад я стояла от нее на расстоянии, но вот сейчас я стою совсем близко. Так близко, что мое дыхание шевелит на ее голове волоски. Что это вообще?... Я не успела ответить самой себе. Моя рука поднялась и коснулась маленького локона чуть выше виска. Она почувствовала, я это сразу поняла. Во мне не было страха от того, что девочка теперь знает, что она не одна.

Она наклонила голову, тем самым подставляя свою щеку под мою ладонь. Я осторожно касаюсь ее кожи, как будто касаюсь сама себя. Мне очень приятно. От этого касания хочется провести пальчиками вдоль щеки и коснуться шеи. Что я делаю? Я вижу, как она приоткрыла свой ротик, как моргнули ресницы, как вздернулись вверх брови. Нагнулась к ее затылку и незаметно поцеловала в торчащие в разные стороны волосы.

Стало тепло, очень тепло. И это тепло исходило не только от меня, я чувствовала его на расстоянии. Стоило мне убрать ладонь от ее лица, как по всему моему телу пробегала волна мурашек. Становилось прохладно. Тогда я опять прикоснулась к ней. По мне снова проходила волна, но это уже было другое ощущение.

Мне казалось, что на моей руке сидит маленькая бабочка, которая только-только начала летать. У нее еще крылышки не окрепли, они подрагивают от неуверенности, от того, что им пока не хватает сил, чтобы раскрыть свои паруса. Я боялась сделать лишнее движение, чтобы не спугнуть, чтобы не поранить. Хотелось закрыть ее в ладошках и осторожно вынести на улицу, показать солнышку и отпустить. Но я боялась это сделать. Боялась потому, что там мог быть сильный ветер, и он ее унесет, что там могут быть птицы, которые ее напугают. Она сидела на моей ладошке и неуверенно раскрывала свои крылышки.

Коснулась ее шеи. Она прогнула ее, подставляя под мою ладонь. Ее руки опустились, шея вытянулась и нагнулась вперед. Я погладила ее волосы. Наверное, почувствовала запах костра, который исходил от нее, запах дыма, запах сгораемых листьев. Взяла ее за плечи.

Бабочка – так я назвала ее. Она стояла, опустив голову. Тонкие руки копошились впереди, что-то делая с платьем. Я нагнулась и поцеловала ее в обнаженную шею. Мои пальцы отодвинули в сторону часть пряди волос, снова поцеловала. Поцелуй был тихий, как будто беззвучно произнесла слово. Бабочка еще ниже опустила голову. Она перестала возиться с платьем. Я смотрела на нее поверх плеч. Расстегнутые спереди пуговицы, тонкая, бесстыжая щелка кожи, что тянулась от самой шеи и уходила вниз под ткань. Платье вяло висело на плечах. Оно потеряло форму и выглядело как кокон, который треснул и выпускал из себя бабочку. Уже в следующую секунду мои пальцы осторожно взяли за лямки ее платья, слегка приподняли его, и развели их в разные стороны...

Я поразила своей наглости. Но меня неудержимо что-то толкало вперед. Одной стороной мысли понимала, что поступаю неправильно, но другой... которой слепо действовала, говорила обратное. Пыталась сопротивляться. Хотелось остановиться, но от этого мне становилось еще тяжелее.

Пальцы, что развели лямки платья в разные стороны, осторожно отпустили их. Ткань на мгновение застыла, а после просто скользнула вниз. Это произошло так быстро, что мне показалось, будто платья вообще не было. Откровенные плечи... Бабочка свела их вперед. Я положила на них ладони и тихо развела плечи назад, как бы давая ей возможность глубоко вдохнуть. Бабочка приподняла головку. Ее тельце дернулось, после задрожало, как будто на нее подул ветерок. Мне захотелось ее защитить, обнять, прижать к себе, согреть. Внутри себя я ощущала непреодолимое чувство к этой девочке, какое-то животное стремление... Испугалась этого желания. Но я получала незабываемый восторг от того, что она подчиняется мне. Бабочка в моей ладони и ей некуда вырваться, она моя.

Хладнокровно наблюдала за тем, как она сняла лифчик, как он упал на землю. Я нагло через плечо посмотрела на ее неуклюжую грудь. Она снова начала сводить плечи вперед, но я сразу пресекла эту попытку. Мои пальцы впились в них. Я ощутила тонкие косточки внутри ее тельца.

Захотелось просто потискать ее грудь. Мои ладони были уже буквально в нескольких сантиметрах от них, когда я смогла остановить себя. Тепло. Чувствовала его на расстоянии. Мне казалось, что я ощущаю, как бьется ее сердце. Голова бабочки медленно скатилась набок.

Хотелось большего... Но зачем?.. В душе все ныло. Хотелось завладеть ей как трофеем, насадить на булавку и под стекло. Но зачем?... Хотелось прижать и расцеловать. Но зачем?... Хотелось почувствовать ее тело. И опять же – зачем?... Хотелось смотреть на ее чувства. На то, как она приоткрывает ротик, на то, как ее тело реагирует на мои желания, на то, как она вскрикнет, а после упадет от изнеможения, на то, как...

Мною что-то овладело. Не повинуюсь сама себе, я действовала. Во мне были одновременно похоть и стыд. И чем больше боролась сама с собой, тем сильнее мне хотелось просто раздеть ее, увидеть ее без кокона, чистую, заново рожденную.

Присела. Мысли работали трезво. Руки коснулись ее туфельек. Заметила, что ремешок на одной из них был порван, и что они были ей немного великоваты. Коснулась ее кожи, по ней

прошла дрожь. Но я не стала обращать на это внимание, только знала, что она чувствует меня. Взяла ткань подола платья и приподняла его выше колен, а после еще немного выше, но тут же опустила. Я была у нее за спиной. Переместилась вперед, так, чтобы видеть ее, и снова взяла подол.

Держала кончик ткани ее платья. Что теперь делать с этим? Меня покинула уверенность. Растерялась. Увидела себя со стороны. В каком идиотском положении нахожусь, стою на коленях перед ней. Глупость. И несмотря на это, так и не шелохнулась. Опустила глаза вниз и внимательно посмотрела на ее ноги. Они были тоненькие. Нет, наверное, мне так казалось. Осторожно взглянула вверх. Лица бабочки не было видно. По-видимому, ее голова все так же лежала на плече, но ее грудь четко вырисовывалась на темном фоне потолка. Она была широкой. Соски еще до конца не сформировались и как шишечки нагло торчали в разные стороны. Они как будто существовали отдельно от ее груди.

У меня внутри защемило. Взяла подол платья и подняла его на уровень пояса. Затем собрала ткань так, чтобы видеть ее трусики, аккуратно заткнула ее за пояс платья.

Трусики были какого-то детского фасона. Широкие лямки, мелкие розовые цветочки и широкие белые кружева. Смотрела на них, как сама на себя. Указательным пальцем коснулась ткани, провела по ней вдоль ноги. Положила свою ладонь на то, что они прикрывали. Было горячо. Да, по-настоящему горячо. Может, у меня руки стали холодными, но под тканью было горячо.

Сквозь трусики я чувствовала ее... Прикрыла глаза. Пропал подвал, песок, была только ладонь. Перестала дышать. Ладонью ощутила что-то влажное. Посмотрела и увидела, как внизу трусиков появилось влажное пятнышко. Оно медленно увеличивалось. Пальцами взяла за кружева и тихонько потянула вниз. Кружева натянулись, но трусики с места не двигались. Еще немного потянула их вниз, но результат остался прежним. Влажное пятнышко увеличилось. Отпустила кружева, взяла сверху за резинку и начала снимать их с нее.

С чем можно сравнить это состояние? У меня нет таких ассоциаций. Просто смотрела, пожирала глазами ее тело. Ткань сползала. След от резинки уже сам по себе был необычным. Она сжевала кожу. Оттянула трусики вниз, и кожа сразу стала выпрямляться, разглаживаться. Потянула еще немного ниже. Голое пространство кожи, чистое, ровное, слегка выпуклое.

Не хочу ни с чем это сравнивать, ни с взбитой подушечкой, ни с полем или облаками, просто не хочу. Пусть каждый представляет это как хочет.

Спустила трусики до колен, дальше уже не могла. Мои пальцы начали слабо трястись.

На коже был четко очерченный треугольник от загара. Он бесстыже смотрел на меня. Коснулась его пальцем. Волосиков почти не было, а те, что были, наивно торчали в разные стороны. Они были прозрачными, почти незаметными. Внизу треугольник начинал раздваиваться. Тонкая прорезь делила его надвое и уходила куда-то между ног. Чем ниже опускалась прорезь, тем более овальными становились их края. В самом начале прорези на меня смотрел маленький наглый язычок. Нагнулась к нему. Чувствовала свое дыхание. Подушечкой пальца осторожно коснулась его. Что почувствовала бабочка, я не знаю, но ее тело дернулось, отпрянуло от меня, на мгновение замерло и медленно вернулось на место.

У меня все гудело: ноги, руки, голова. В груди все сжалось, жжение внутри. Пальцы на руках мелко дрожали. Мне казалось, что сейчас вскрикну от страха перед собой. Ладонью зажала свой рот, как бы помогая себе сдержаться. Внутри себя почувствовала, что скулю. Дышать стало тяжело. Глубоко вздохнула. Немного полегчало.

Она стояла передо мной все так же. Как будто ждала. Я опустила ладони. Протянула пальчики к ней, коснулась ее прорези. Тело бабочки вновь дернулось, но я ждала его возвращения. Обеими ладонями погладила ее бедра, как будто успокаивая ее – «не бойся». Только это молча, и могла сказать ей. Ладони успокаивающе гладили ее ноги. Снова коснулась ее прорези. В этот раз тело осталось на месте.

Хотелось больше и все сразу. У меня внутри все кипело, клокотало. Коснувшись указательным пальцем ее прорези, я надавила. Ее губки были мокрыми и скользкими. Мой палец легко по ним заскользил. Я остановилась. Чуть отвела палец назад, надавила вверх... Бабочка немного приподнялась на носочках. Подождала... Ее тело опустилось, и мой пальчик чуть провалился.

От этого я испытала наслаждение полета. Так было нежно, мягко и горячо. Ее тело налилось. Губки стали толстыми и почти закрыли собой тот самый маленький язычок, что так нагло торчал с самого начала.

Несколько секунд спустя. Моя бабочка вся задрожала. Ее крылышки затряслись. Она рванулась с места. Хотела упорхнуть. Убежать. Но тут же рухнула на землю. Ее колени были скованы ее же трусиками. Меня отбросило в сторону. Я медленно отползла в угол комнаты. В тот самый угол, из которого и появилась. Бабочка лежала на земле. Еще какое-то время ее тельце вздрагивало, а после замерло. Хотелось закрыть глаза в надежде, чтобы время быстрее пролетит, и бабочка улетела. Но девочка лежала неподвижно. Я испугалась. Вдруг она ударилась и потеряла сознание? Стоило мне об этом подумать, как ее рука шевельнулась.

Закрыла глаза. Я уже знала, что будет дальше... Мне осталось только ждать. Я сидела с закрытыми глазами и слушала. Представляла, что она делает. Как она села... Как взяла и сняла трусики. Как посмотрела по сторонам, и то, что она ничего не увидела. Как встала, поправила платье и с улыбкой на лице пошла. Скрип дверных петель, хлопок и тишина...

У меня внутри все раздирало, хотелось плакать. Прикрыла рот ладонями и закричала. Слышала свой стон. Одинокий, пустой стон. И чем дольше слушала себя, тем сильнее зажимала себе рот. Постепенно внутри все сгорело, как в топке. Наступил вакуумный холод. Я сжалась до состояния комка и замерла.

Сколько так пролежала в этом подвале? Не знаю.

Вы хотите спросить меня, а что же все-таки я загадала? Была ли еще раз в этом подвале и загадывала ли еще желания? Сказать «да», значит ничего не сказать. Рассказать о своих пожеланиях, но что это вам даст? Я отвечу только одним словом – «возможно».

Мы хотим верить в исполнение своих желаний. Нам хочется, чтобы была добрая фея, волшебная палочка, кольцо, книга, шарф или что-то подобное. Нам хочется верить, что произнесенное желание обязательно исполнится. Мы живем с этой мечтой, многие с ней и умирают. Но эти несколько слов, произнесенные нами, дают нам жизнь, стремление, воздух, тепло. У каждого свое желание. В определенный период времени они меняются. Многие мы забываем, но некоторые, самые-самые, мы помним всегда.

Я шла по улице. Дул ветер, и его завихрения касались моих ног. Сухая листва кружилась кругами. Ветерок касался меня. Он как маленький котенок терся о мои ноги. Я шла с улыбкой по улице. Я знаю, что я никогда не буду одна.

Джек

Совет психолога: «То, на чем вы фокусируетесь, увеличивается. Если вы фокусируетесь на чем-то хорошем, вы получаете больше хорошего. Если вы фокусируетесь на недостатке и бедности, вы, соответственно, получаете проблемы. Научитесь находить что-то хорошее в своей жизни и будьте благодарны за это каждый день».

Новый день похож на предыдущий. Снова солнышко, снова коровы и куры, снова лай собак и мама. Яна просыпалась не спеша, торопиться не куда, еще так рано. Глаза не очень-то и спешили открываться, только уши проснулись. Они слышали, что день уже настал, и что все кругом заняты делами. Где-то на кухне бабушка хлопочет и ворчит на кота Тимофея. За окном слышен рев мотоцикла, снова Витька гоняет по улицам и пугает гусей. Она потянулась, перевернулась на другой бок, обняла подушку и снова задремала.

Родители Яны пообещали, что если она закончит год на отлично, то ее не будут загружать домашней работой, а наоборот пошлют в лагерь. До лагеря оставалось целых две недели, а она так мечтала о нем, он даже ей снился. Но это не означало, что можно целыми днями вот так лежать. Работы все же хватало, ведь это не город, а деревня, тут всегда есть работа. Вот

и сейчас, сквозь дремоту она уже знала, чем будет заниматься до обеда. А после с Ньюрой, это ее подружка, они побегут на речку загорать.

Почти целый месяц стоял настоящий летний зной. Земля прогрелась, в полях рос пахучий клевер, и вода в речке стала теплой. Они убежали к реке, валялись и рассказывали друг другу о своих парнях. О чем же в это время говорить, если не о них. В романах это уже давно написано, но то роман, а то жизнь. Ах... Вдыхали девочки и продолжали щебетать.

Нюра не умолкала, она могла целыми часами говорить и говорить. Иногда Яна просила ее просто помолчать. Нюра умолкала, но только на несколько минут и все начиналось сначала. Яну это не беспокоило, ей нравился ее голос, нравилось то, о чем она говорила. Но сама в душе думала о другом.

Вот и сегодня они опять собрались на речку. Вчера нашли новое место. Река немного обмелела и под ивами, что раньше стояли в воде, образовался настоящий островок. Они туда уже принесли старое покрывало, зонтик, полотенца, кружки и еще много всякого хлама. Это для того, чтобы в течение дня не бегать домой, а просто лежать и мечтать.

Яна открыла глаза. Посмотрела на стену, на ковер, что упирался ей прямо в нос. Она его знала с детства, помнила каждый его завиток, оттенок и дырочки. Погладила пальчиками. Под одеяло проскользнул прохладный воздух. Она спрятала обратно руку и сжалась. Еще утро. Наверное, окно открыли. Чуть-чуть понежилась. На кухне снова заворчала бабушка. «Ну, что же», – подумала она, – «пора вставать». Белая ножка выскользнула из-под теплого одеяла и тут же нырнула обратно. Чуть-чуть погода появился носочек, а после и сама нога. Она нащупала тапочки, те оказались холодными. Набросила на плечи тонкий плед и выскользнула на кухню умываться.

Бабушка была доброй, но ворчливой. Наверное, от того, что дед уже давно умер, тяжело или привычка. И все же она в душе добрая. Яна обнимала ее, бабушка похлопывала по руке и что-нибудь ласковое говорила. Вот и сейчас она подбежала к ней, обняла, пожелала ей доброго утра, и быстро к умывальнику.

* * *

Яна заскакивает к Ньюре во двор и сразу бежит к ней на веранду. Порой ей кажется, что знает ее дом лучше, чем его хозяйка. Нюра, несмотря на свою болтливость, имела очень хорошее качество – усидчивость, что порой не хватало самой Яне. Вот и сейчас Нюра сидела на веранде и очень аккуратно вышивала. Стежок за стежком, и вот в ее руках прорисовывался настоящий пейзаж, только вместо краски – цветные нити.

Она ворвалась к ней, а Нюра даже голову не подняла. Она осторожно вонзила иглу в ткань, прoderнула ее и только после этого посмотрела на свою подругу. Во дворе залаял Джек. Странная порода: и не овчарка, и не лайка, что-то среднее, но чертовски добрая. Наверное, ее породу можно было отнести к дворняге. Ее любили, и она всегда сопровождала девочек во всех их путешествиях, особенно когда шли в лес.

– Ты где пропала? – возмущенно спросила Нюра. – Меня чуть было не отправили в поле.

– Какое поле?

– Что значит какое? Сено ворошить.

От этих слов у обоих скривились носики. Они прекрасно понимали, что значит ворошить сено. Это значит, что пока светит солнце, нужно несколько раз перевернуть скошенное сено. И так до тех пор, пока оно не подсохнет. После такой работы сильно болят руки и поясница.

– И тебя оставили? – С удивленными глазами спросила Яна.

– Только на сегодня, а завтра Валерка, – это ее брат, – сказал, что обязательно заберет меня с собой. Противный...

У них моментально испортилось настроение.

– Жаль, – еле слышно проговорила Яна.

– Пойдем, а то еще и по дому заставят, – она опустила ноги с кресла, достала из-под него сверток, – я уже все приготовила, – заговорческим голосом произнесла Нюра.

И они тихо, как будто боялись кого-то спугнуть, спустились с веранды, оглянулись по сторонам и, не снижая шаг, быстро пошли к калитке, что вела в огород. А оттуда можно беспрепятственно выйти на дорогу и через небольшой лес пройти к реке.

За ними тут же побежал Джек. Его редко садили на цепь. Да и то, когда он от радости начинал гонять кур или упорно рыть ямы в огороде. Цепь его быстро успокаивала, и он становился как шелковый. Ботва от картошки вымахала уже большой, и пес изредка подымал свою морду, оглядывался, ища двух девочек, а после, перепрыгивая через картошку, мчался к ним.

Еще в прошлом году Яна начала слегка побаиваться этого пса, да и не только его, вообще всех, хоть маленьких, хоть больших. В начале прошлогодней весны соседских пес сперва спокойно стоял около Яны, а после ни с того ни с сего обнял передними лапами ее ногу и начал трястись, изображая собачью случку. Парни заржали, а ей было до боли обидно. Дома она плакала и начала сторониться собак. Джек тоже не исключение. Но всегда рядом была Нюра, она просто отгоняла его или оттаскивала за ошейник. А если он снова пытался пристроиться, то садила на цепь.

От чего это происходит, она прекрасно знала. Видела собак, кошек и быков, а после результат: щенки, котята и телята. Но было чертовски обидно. Почему именно к ней пристраивался Джек и та собака? Ни к Нюрке, ни к ее подружкам? А может они просто молчали, не говорили?

В этот день они провалялись под ивой как никогда долго, даже уснули. Нюра так много говорила. Похоже, она решила выговориться сразу за несколько дней вперед. Теперь Яна знала ее планы не только на этот год, но, пожалуй, до самой ее пенсии. В мечтах она уже кончила школу, вышла замуж, поступила учиться, осталась в городе и еще... все то, о чем мечтает каждая деревенская девчонка.

Вернулись поздно. Не хотелось уходить, поскольку завтра Яна останется одна, а Нюре хотелось оттянуть момент расставания. Но время вышло, и вот уже запели сверчки, небо посерело и подуло прохладой. Они расстались. Яна пообещала на всякий случай пораньше зайти к ней, может удастся улизнуть... Хотя в душе они знали, что нет, Валерка не такой, не даст сачковать.

* * *

Так оно и вышло. Утром Яна просыпалась много раз. Сперва, когда запел петух, после, когда погнали коров на пастбище, после, когда солнышко коснулось ее ковра. Но было еще рано. И она то засыпала, то снова просыпалась, боясь пропустить момент, когда уже пора бежать. Подошла к воротам, где жила Нюра. Они оказались закрыты, а в ручку двери просунут пруттик, который выполнял роль замка, и тем самым говорил всем, что в доме никого нет, можете не стучаться.

Яна огорчилась, но делать нечего. Идти в поле на покос? Далеко, да и мешаться будет. И вообще, что там делать? Там мухи и комары, а ей так не хотелось этого. Повесив голову, она сперва пошла домой за книгой, а после на берег.

Ива располагалась почти посередине реки. Ее длинные волосы спускались прямо до воды. Она росла на маленьком островке, но сейчас, когда вода немного спала, до нее можно было пойти посуху. А под деревом было так прохладно и спокойно. По воде бегали водомерки. Они устраивали свои догонялки. И как они вот так могли держаться и не тонуть, да еще и бегать? Удивительно.

Яна расстелила покрывало, легла на него и уставилась грустными глазами на воду. Листья ивы чуть-чуть касались кромки воды. Они как будто заигрывали с ней. То осторожно касались поверхности воды, то подымались, потряхивая листочками на ветру и сбрасывая тяжелые капли, а после снова опускались и опять выныривали. И эта игра не знала конца. Иногда на воде появлялись разводы, это рыба подымалась к поверхности, и своими плавниками нарушала гладь воды.

Река бежала не спеша. Ей некуда было спешить. В некоторых местах из воды пробивались ростки камышей и вокруг нее летали маленькие стайки жучков. Они были такими маленькими, что издали казались просто серой дымкой. Но когда прилетала стрекоза, эта дымка моментально растворялась в самой траве. Стрекоза делала несколько облетов, садилась на траву, покачивалась, а после отдыха улетала ни с чем. А жучки снова вылетали из травы и опять кружились облачком вокруг своего кустика.

Яна смотрела на эту спокойную, совершенно ничем не обремененную жизнь. Глазки сами начинали закрываться. Солнышко уже начало припекать, но листва ивы надежно защищала ее от жары. Яна потянулась, и как кошечка, мурлыкнув, задремала. Сон навалился как дымка, что стелется по земле, когда осенью жгут листву, медленно и убаюкивающе. Она уснула у самой воды. Слабое журчание воды – вот все, что она слышала в этот момент.

Проснувшись от того, что кто-то лижет ей нос, было щекотно и влажно. Еще не проснувшись, узнала его – это был Джек. Только он мог так будить. Знала его язык еще с детства, мягкий и теплый как бархатное платье, что у мамы. Открыла глаза. Так и есть – это Джек.

– Ну что, соскучился?

Пес сразу завилял хвостом. Он так сильно им вилял, что казалось наоборот: хвост вилял им. Яна приподняла голову. Солнце было уже в зените. «Наверное, уже обед. Надо же, как долго я проспала», подумала она и села. Пес, увидев активность девочки, соскочил с места и начал прыгать, радуясь ее пробуждению.

Она потянулась. Тело было вялым, как будто оно растаяло под солнцем. Яна откинула голову и попыталась собраться с мыслями. Но они не хотели собираться, а также вяло блудили где-то там в голове и не думали возвращаться к ее хозяйке. Посмотрела на лучи, что пробивались сквозь листву, когда дул ветерок. Небо было синим-синим, как будто его только что помыли. В животе что-то заурчало.

– Пора перекусить.

Она сказала эти слова, как бы и для себя, но и для пса, а он как будто все понял, еще шибче начал прыгать и побежал к сумке с продуктами.

Скромно перекусив, она села у воды, опустила ножки в воду. Речная прохлада. Руки покрылись мурашками.

В этом месте дно было песчаным. Даже странно, поскольку почти вдоль всей реки берега были глиняные. А здесь песок. По нему можно было ходить, на нем можно было сидеть, из него можно было строить замки и заводы.

Яна спустилась в воду и пошла по берегу. Пес остался лежать на берегу. Теперь настала его очередь дремать. Еще немного, и он провалится в сон. Она посмотрела на него, но не стала будить. Переодевшись, Яна пошла купаться. Пес лишь только повел ушами на всплеск воды, но голову так и не поднял.

Ей захотелось от удовольствия закричать. Так хотелось, что она не смогла удержаться и по-детски, по девчоночьи завизжала. Джек соскочил, замотал головой, как будто спрашивал, что случилось, где, когда, кто? Она нырнула с головой, и только пятки сверкнули в воде. Пес посмотрел на водяные разводы, успокоившись, сел, почесал за ухом и стал ждать, когда она вынырнет. Но ее не было. Он начал мотать головой, ища ее, но девочки не было. Круги на воде разошлись и уплыли вместе с течением. Пес соскочил. Пробежался вдоль берега, сунул лапу

в воду и остановился. Его глаза лихорадочно бегали вдоль противоположного берега. Он плохо видел, наклонил голову и понюхал воду, но ей не пахло. И тут, в десяти метрах, она вынырнула.

Грудь жадно вдохнула воздух. Рука провела по лбу, убирая с него мокрые волосы. Она оглянулась, помахала собаке и поплыла дальше. Пес от радости, что нашел ее, бросился в воду, решив, что уж сейчас точно не упустит ее из виду.

День пролетел совсем незаметно. Загорать она не любила, считала это тратой времени, а вот читать – это да.

*Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел – и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем – не стоит труда.*

Здорово... Живи сегодняшним днем и не думай о прошлом. Наверное, в этом и есть прелесть наслаждения. Девочка лежала на траве и думала об этом. Сейчас ее ничто не тревожило, ни вчерашние заботы, ни завтрашние. Было так здорово, будто перед ней был чистый лист бумаги. И что она хотела, то и рисовала.

Яна оглянулась. Джека не было, он убежал. Легкая грусть посетила ее. Она снова одна. Она встала, с удовольствием потянулась до слабого хруста в суставах и пошла напоследок еще раз окунуться. А после можно и домой идти.

После купания, откуда ни возьмись, появился Джек. Он смотрел на нее своими умными глазами и вилял хвостиком. Есть больше нечего было. Она предложила ему сперва хлеб, когда он не захотел его, решила дать яблоко, но и его он не стал есть.

– Извини, но больше ничего нет, – и пожала плечами.

Она отошла в сторону и начала переодеваться. Джек подошел к ней и уставился вплотную на нее.

– Нет больше, вот придем домой, накормлю, – и повернулась к нему спиной.

Пес посидел немного, встал и подошел к девочке, вытянув морду вперед. Яна уже набросила на себя сарафан, повесила купальник на ветки ивы, чтобы пока она собирается, он успел подсохнуть. Джек подошел поближе и сунул свою морду под сарафан, что-то вынюхивая под ним.

– Отстань! – Решительно сказала она и чуть повернулась к нему боком.

Пес постоял немного в недоумении и снова подошел к ней. Его нос пытел как воздушная труба, что то закачивает, то снова выкачивает воздух. Он нюхал новые запахи. Они были ему интересны. Запахи, которые говорили больше чем зрение. Он снова подошел к Яне и ткнул свою морду прямо между ее ног.

– Пошел отсюда! – Она попыталась придать своему голосу строгость, но в нотках звучала все та же доброта.

В ответ пес наоборот попытался дальше засунуть свой нос вглубь сарафана, поближе к источнику нового запаха. Сквозь ткань Яна почувствовала, как он дышит носом, как теплый воздух из его легких, проходя сквозь ткань, касался ее кожи.

– Уйди прочь! – Не на шутку рассердилась она и, схватив за ошейник, как это делала Нюра, отдернула его.

Пес, оторвав свою морду, тут же зарычал. Яне не ожидала такой реакции.

– Ты что? – Ее голос стал мягким, и где-то внутри засквозили нотки испуга.

Она еще раз постаралась взять пса за ошейник, но как только взялась за него, пес рыкнул. От испуга Яна отпрянула в сторону, прижалась спиной к стволу дерева, ноги сами подкосились, и ее тело осело.

– Ты чё? – Она постаралась придать своему голосу нежность, ласку. Ей казалось, что она может успокоить Джека. – Мы придем домой, и я дам тебе холодца, он стоит в погребе.

Девочке казалось, что если она будет с ним разговаривать, то он ее поймет, перестанет рычать и они пойдут домой. Она посмотрела ему в глаза, но от этого ей стало еще страшнее. Взгляд пса проходил сквозь нее. Он был холодным. Такого раньше Яна не видела, ей стало страшно.

В округе никого не было. Этот остров находился достаточно далеко от деревни, да и от дороги. Поэтому кричать было бесполезно. Она не знала, что делать. «Попытаться еще раз поговорить? Не обращать на него внимание?» Она лихорадочно перебирала всевозможные варианты.

Пес стоял напротив нее. Его морда была на уровне ее глаз. Они были добрыми, но в то же время совершенно пустыми. Появился черный окрас, что придало его взгляду жесткость. Джек постоял немного, посмотрел в никуда, а после, как ни в чем не бывало, повернулся и побежал из-под ивы.

Тяжелый груз страха спал с ее груди. Тело, что до сих пор было в оцепенении, зашевелилось. В горле все пересохло, она глотнула, но сухость не прошла. Непроизвольно она закашляла. Сердце колотилось. Казалось, что она побывала в дремучем лесу, где бродят свирепые хищники, и никто не может ей помочь. Куда бы она ни пошла, везде эти клыки и глаза.

Яна не спешила вставать. Она боялась, что Джек вернется. Решила еще немного подождать, а после пойти. Минуты тянулись медленно, облака плыли еще медленнее, как будто издевались над ней. Закрыла глаза. Пятна света, что пробивались сквозь листву, пробивались и сквозь ее веки. От этого становилось еще тяжелее. Она открыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.